

Анна и Сергей Литвиновы
Вояж с морским дьяволом
Серия «Авантюристка», книга 10

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158976

Аннотация

Татьяна Садовникова – авантюристка со стажем, но в подобные переделки она раньше не попадала! Судьба, а может, чья-то злая воля бросает Таню буквально из огня да в полымя – сегодня она выигрывает тысячи на валютной бирже, а завтра ее подвергают жесткому допросу в милиции. Девушка вынуждена бежать, скрываться – но судьба делает новый вираж, и вот Татьяна уже получает корону на всероссийском конкурсе красоты. Фотосессии на Майорке и Мальдивах сменяются сейшенами на роскошной яхте шейха-миллиардера, однако предчувствие беды не отпускает... Татьяна понимает, что рано или поздно за все это придется заплатить. Но какова будет цена?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	21
Глава 4	32
Глава 6	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Анна Литвинова, Сергей Литвинов

Вояж с морским дьяволом

Памяти Сидни Шелдона

Она сделала карьеру в рекламном бизнесе. Дослужилась до заместителя директора фирмы. Написала и защитила диссертацию.

Трижды влюблялась, один раз собралась замуж и даже единожды была беременна – впрочем, не вполне удачно...

Однако ее размеренная добропорядочная жизнь на поверку скрывала нечто совсем иное...

Глава 1

Москва, осень 1999 года

Почтальонша выглядела обиженной. На ее лице читалось: «Уже десять, а ты все дрыхнешь». Таня в наскоро накинутом махровом халатике быстро расписалась за телеграмму и захлопнула дверь. Прямо в коридоре она прочла текст:

«Москва, Металлургическая, 13-5-13. Садовниковой Татьяне. Русский парень крепчает».

«Что за бред? Я еще сплю? Или это чьи-то идиотские шутки?» – подумала Таня и перечитала сообщение: «Русский парень крепчает». Подписи нет.

Она задумчиво прошла на кухню и включила чайник. Без чашки доброго кофе тут не разберешься.

На работе Татьяна появилась в начале первого. Ей, начальнику креативного отдела в рекламном агентстве «Ясперс и Бразерс», позволялось иметь свободный график. Тем более что накануне она торчала в офисе почти до полуночи. Таня машинально здоровалась с коллегами и отвечала на их приветствия, а из головы все не выходила дурацкая телеграмма. Какая сволочь решила так пошутить?

Работы было немного: закончить пару текстов, а также написать *бриф* – то есть рекомендации – по созданию нового ролика. Татьяна честно пыталась «отдаться креативу», как выражались по подобному поводу ее коллеги, однако слова выходили корявыми и неживыми. Вдохновение сегодня не являлось – оттого Садовникова имела вид одновременно рассеянный и строгий.

Коллеги косились в ее сторону. Все прекрасно знали, что у незамужней, молодой и красивой Татьяны масса поклонников. «Дела сердешные!» – читалось на лицах сотрудников «Ясперса и Бразерса» с тем или иным выражением – от понимания до сарказма.

В шесть вечера Таня решительно поднялась: «Всем пока. Срочное дело». К семи, по вечерним пробкам, она вернулась домой. Заскочила на минуту в квартиру и снова отправилась в центр. Сделав дело, заехала поужинать в «Пиццу-хат» на Кутузовском. Равнодушно вращая вилкой в салате с рукколой, она думала: «Какая же я идиотка! Такую глупость сотворить!»

На следующий день в офисе все стояли на ушах. Не успела Татьяна войти, как к ней бросился взлохмаченный арт-директор:

– Радио слушала?

Таня только покачала головой. Она недавно поставила в своего верного «пежика» сиди-чейнджер и теперь вдохновенно чередовала Моцарта, «Судьбу воровскую», пинкфлойдовскую «Стену» или «Песню про зайцев».

– Не слушаю я радио. А что?

– Да ты, Садовникова, и телевизор не смотришь, и газет не читаешь!.. И знать, видать, не знаешь, что бакс рухнул!

– Рухнул? С какого этажа?

– С небоскреба! Вчера курс был двадцать один, а сегодня – одиннадцать!

У Тани округлились глаза. Вот это попадание!

– Вернусь через час! – оповестила она.

Младший персонал, а также волонтерки, которым приходилось отсиживать в офисе от звонка до звонка, надули губки.

Вчера вечером на все свои накопления – хранившиеся, разумеется, в долларах – Татьяна купила рублей. Сегодня днем на русскую валюту купила резко подешевевшую американскую.

Русский парень, конечно, окреп – но она не сомневалась, что это временно.

На следующий вечер Татьяна ужинала в «Замке Мефисто» с Леной Кругловой. Леонид Леонидович был председателем правления одного из крупнейших российских банков, сорокалетним холостяком и бывшим Таниным поклонником. Они расстались год назад – не сошлись во взглядах на Танину карьеру. Леонид тогда позвал ее замуж, и она даже приняла в подарок двухкартанный бриллиант, однако свадьба расстроилась. Слава богу, Леня еще до ответственного мероприятия открыл карты:

– Эх, скоро буду женатым! Вечером с работы приходишь – пахнет пирогами. Красота!

Таня не умела печь пироги. И не хотела учиться. А больше всего ее не прельщало прибегать с работы часов в семь-восемь и вместо дел и вечерних развлечений стоять у плиты. В общем, она вернула Лене его два карата и пообещала вечную дружбу.

Друг Леонид не подвел. По первому зову он согласился встретиться с Татьяной.

За ужином они болтали о пустяках. Леня жаловался на своих меркантильных подружек. Таня рассказывала о своей карьере в агентстве. И только за десертом – жареными ананасами – она спросила о главном:

– Слушай, а ты знал, что должно было случиться с курсом?

Он хохотнул:

– На то я и ведущий банкир страны! Пять «лимонов», между прочим, срубил! – И внимательно посмотрел на Таню: – А ты что, тоже знала?

– Да. И срубила, извини за масштаб, пять тысяч.

Спутник вылутился на нее.

– Но информация была под строжайшим секретом! Об этом два-три человека в Центробанке знали... Ну, еще парочка в президентской администрации...

– Ты же знал?

– Я – обязан был! Но – *ты*?! Откуда?! Как ты-то могла об этом пронюхать?

Леня возмущался и удивлялся настолько искренне, что Таня снова задумалась. Допустим, он умелый актер... Только зачем ему нужно играть – *сейчас*? Почему бы не признаться: «Это я тебя разыграл, хотел проверить твою сообразительность. Сообразила – молодец, будешь теперь моей должницей»?.. Она была уверена, что телеграмма – дело рук Ленки, но почему он продолжает играть в кошки-мышки?

Прошла неделя. Дурацких телеграмм больше не приходило. Выигранные на разнице курса пять тысяч долларов Татьяна с пользой потратила, съездив на выходные в Лондон и купив себе в «Харродсе» кучу шмоток на начавшихся распродажах.

Жизнь проходила в трудах и поклонниках. Редкое свободное время она коротала дома в душистой ванне в обнимку с каким-нибудь милым женским романом. В агентстве прошло сокращение. Талантливой Татьяны Садовниковой оно не коснулось. Наоборот, ей прибавили зарплату. Следовало гордиться, но гордости не было. Честно признаться, она порядком устала от придуманных ею «уникальных торговых предложений», «новинок» и «сумасшедших скидок». И даже когда по телевизору крутили созданные лично ею ролики, она нетерпеливо переключала программу. Тане было скучно...

Однажды часов в восемь вечера Татьяна отдала в печать макет. Его пообещали вывести через часик. Нужно было дожидаться. От нечего делать она заглянула в свой личный почтовый ящик. Давненько не просматривала частную электронную почту – все дела, дела... Среди посланий от зарубежных друзей и кокетливых записочек от поклонников выделялось очень странное письмо:

Sadovnikova@yahoo.com.

G-W-T-W

PВ 74

1011-18-7

547-15-9.

Дурацкий спам? И ящик отправителя какой-то незнакомый! Однако в графе «предмет» ясно значится: «Для Татьяны Садовниковой; предостережение».

У Тани аж в голове помутилось – опять какая-то загадка! Шифровка, блин! И что с ней делать? Не звонить же по друзьям и знакомым с вопросом: «Это ты мне прислал по мэйлу какую-то хрень?» Ясно, что никто не признается. Или признается, чтобы был повод пригласить ее в ресторан. Нет, придется думать самой. Что это?

Пин-код к чьей-то кредитной карте?

Шифр к банковскому счету? Но к чьему?

Номера телефонов? Она набрала 101-11-87. Ей ответили: «Набранный вами номер не существует...» А вторая строка – она вообще шестизначная! В каких городах шестизначные номера?

Татьяна дождалась, пока ей распечатают макет, быстро его просмотрела, подписала и отправилась домой.

Ловко лавируя в плотных рядах машин, она бормотала себе под нос:

«Г... ВТВ... ПБ... 74... Суший бред!»

Дома она наскоро перекусила и нашла в залежах книг «Век криминалистики». До рези в глазах изучала главу о различных шифрах и пыталась прочесть послание. Без толку.

Без двадцати час она без сил опустилась в теплую ванну с морской солью.

И, только намокнув, вспомнила, что не взяла с собой в заплыв «Век криминалистики». Не вылезать же, не идти за ним! Придется читать, что есть. Она наполовину высунулась из воды и провела ладонью по полу. В ванной всегда валялись три-четыре книги и пара журналов, которые она любила просматривать, нежась в пене. С первой попытки Таня нащупала свою любимую «Унесенные ветром» и открыла главу, где Рэтт Батлер наконец-то делает Скарлетт официальное предложение.

Эх, черт, ясно, что все вранье, но до чего же приятно, когда мужики вообще подобные слова говорят! И язык какой чудный... (Таня, выпускница университета, предпочитала читать литературу на языке оригинала.) Отмокая в ласковой ванне, она в очередной раз перечитала о медовом месяце Скарлетт и со вздохом отложила книгу. Надо быстренько мыться и баиньки. Она уже почти зашвырнула «Унесенных ветром» обратно под ванну... и остановилась. Унесенные ветром, или... Или *Gone with the wind*! А если прочитать как акростих, по заглавным буквам? Получается – G-W-T-W! Первая строка в шифровке!.. Вот это да!

А что тогда означает строка вторая – PВ 74? Точно, выходные данные. Pan Books. 1974 год выпуска. Выходные данные *ее книги*.

Той, что валяется у нее в ванной.

От радости, что разгадала загадку, Татьяна хлопнула кулаком по прозрачной воде. Взметнулся фонтан брызг, затопив обложку «Унесенных ветром». Таню переполняла энергия.

Сейчас она расшифрует остальное.

Ряд цифр разбит на три колонки. Что это может быть? Точно, страница, строка, слово. И ничего больше – элементарная логика подсказывает.

Татьяна лихорадочно открыла 1011-ю страницу. Так, 18-я строка, 7-е слово... *Tomogrow*. То бишь завтра. А второе – *Jail*. Тюрьма. Таня разочарованно погрузилась в успевшую остыть воду. Что за чушь! При чем здесь тюрьма? Она, слава богу, законов не нарушает. И даже налоги честно платит – хотя в нашем государстве и не стоило бы.

Назавтра была пятница. Короткий день, а вечером они с бойфрендом Максом собирались на вечеринку в Барвиху. Приятель Макса, молодой российский миллионер, директор крупной компьютерной фирмы, завел у себя в особняке настоящий винный погреб и периодически приглашал друзей отведать то новые сорта вин, то какие-то супервыдержанные коньяки. В эту пятницу был черед новозеландских красных. Таня, которая не любила крепких напитков, с удовольствием предвкушала коллекционные вина, элегантный особняк в сосновом лесу и веселый вечер в компании приятных, не обремененных заботами о хлебе насущном людей. Макс позвонил в четыре:

– У тебя все в порядке? Заеду в шесть.

И тут она выпалила:

– Макс... извини. У меня изменились планы.

Сидя в одиночестве дома перед телевизором – это в пятничный-то вечер! – она кляла себя на чем свет стоит. Идиотка, дура! Кукуешь одна, как сычиха или старая дева! Как назло, по «ящику» шли репортажи из ночных клубов или фильмы, герои которых расслаблялись в шикарных ресторанах. А Таня в линялых домашних джинсах без аппетита жевала невкусную перемороженную пищу...

В половине двенадцатого начался «Дорожный патруль».

– Сейчас мы вам покажем уникальный сюжет с места событий! – радостно сообщил ведущий.

Камера заскользила по верхушкам сосен, пропрыгала по фасаду особняка, задержалась на невключенном фонтане... Таня, кажется, узнала это место.

– Сегодня московским ОМОНОм была проведена операция по захвату крупнейшей за последнее время партии наркотиков... Смертельное зелье хранилось в особняке стоимостью девятьсот восемьдесят тысяч долларов.

Камера показала унылый ряд людей, стоявших, раздвинув ноги, лицом к стене. Татьяна узнала любимый зеленый свитер своего приятеля Макса...

В субботу Таня позвонила Геннадию Яковлевичу по прозвищу Полковник. С Полковником она познакомилась в самолете, летевшем в Москву из Парижа. Геннадий Яковлевич, статный мужчина с благородной сединой, казался тогда очарованным своей молодой и умной попутницей.

Всю дорогу они обсуждали особенности французского языка и обменивались невинными комплиментами. Геннадий Яковлевич («Можно просто Гена») с восторгом узнал, что Татьяна приложила руку к половине рекламных видеороликов, которые крутят по телевизору.

А о своей работе он говорил скупой: «Я, Танечка, обычный офицер. Забочусь о нашей с вами безопасности...» При этом скромный служака летел, как и Татьяна, первым классом, угощал ее изысканными напитками, которые не входили в бесплатный набор, и обнаружил удивительную компетентность во французской грамматике.

Загадочный офицер оставил Тане только номер своего пейджера. Без особой надежды она сообщила оператору:

– Это девушка из самолета Париж—Москва. Прошу о срочной встрече.

Геннадий перезвонил мгновенно...

Они гуляли по парку. Подростки, рассеявшиеся по лавочкам, с завистью поглядывали на седовласого «деда», который вел под руку белокурую красотку.

– Почему вы обо мне вспомнили? – невинно поинтересовался Геннадий.

Татьяна вздохнула:

– Надоело с детьми общаться... Захотелось солидности, глубины мыслей... Французской грамматики.

Они перешли на французский. Вспоминали Париж – об этом городе хорошо говорить на языке гордых галлов.

Иллюминация в честь взятия Бастилии. Продуманная сказка Диснейленда... Внезапно Татьяна спросила:

– Он что, дурак – хранить наркотики дома?

Геннадий столь же быстро ответил:

– Такого человека, как хозяин миллионного особняка, трудно заподозрить.

И снова перевел разговор на парижские кафе с игривыми официантами. Заговорил о толпах шумных негров в магазинах «Тати» – как отличается там обстановка от «Галери Лафайет», не говоря уже о «Шанели» или «Луи Вьюитонне»...

Как будто и не было их короткого диалога об особняке, наркотиках... Лишь изредка Геннадий внимательно, изучающе вглядывался в Татьяну.

...Гаишники учудили: извольте, видите ли, поменять права! А то с 2000 года начнем штрафовать. Татьяна ненавидела бумажную волокиту и потому тянула до последнего. Кому охота ехать за справками по разным дурдомам, потом торчать в поликлинике и сидеть в бесконечной очереди в МРЭО? Однако на работе повесили объявление:

«Вниманию тех, кто до сих пор не поменял права!!! Организован обмен в ГАИ только для сотрудников агентства и членов их семей! При себе иметь медицинскую справку».

Таня решила не упускать такую возможность – при организованном обмене в ГАИ хоть очередей не будет – и со вздохом принялась делать справку. Она взяла отгул, с утра сгоняла в дурдом и наркологический диспансер, а после обеда отправилась на медицинскую комиссию. С нее взяли двести рублей и отправили по врачам: «Пройдете без очереди!»

Однако толпы бабулек, ждущих у кабинетов, упорно не желали пропускать молодую нахалку.

– У нас тоже комиссия! ВТЭК! А врач скоро заканчивает!

Татьяна решила не спорить со старичками и устроилась в уголке ждать своей очереди. Книги у нее с собой не было, и она лениво посматривала в мутное зимнее окно. Ей было скучно.

Не здесь, в поликлинике, а просто скучно. При всей внешней прекрасности высокооплачиваемой престижной работы. При том, что у нее были собственные квартира и машина. И – красота. И – свобода.

Однако жизнь ее была, увы, предсказуема. Через пару лет назначат генеральным менеджером. Потом – замом директора. Все больше денег, и все больше нервов. Бесконечные «уникальные торговые предложения». А по вечерам – все более дорогие рестораны со все более пожилыми поклонниками... Эх, да что об этом думать! Таня обвела взглядом унылый коридор поликлиники с грустными бабушками на банкетках. Бабульки оживленно ругали Ельцина.

На подоконнике чахли цветы. Пробегали замученные медсестры. Смотреть не на что.

Ее внимание привлек листок ярко-синей бумаги, который лежал рядом с цветочным горшком. Она протянула руку, взяла его... Обычный лист стандартного формата А4. Но вот странность – он был синим с обеих сторон. Ярко-синим. Как небо в свежий июньский день. А на одной из сторон чернел отпечатанный на принтере текст:

ТС!

Внутри такой же, как снаружи.

Таня огляделась – за ней никто не наблюдал – и сунула листок в карман.

Она возвращалась из поликлиники довольная – получила-таки справку! – и заинтригованная. Таня не сомневалась, что синий листок – это новая загадка, которую ей предстоит решить. После всего с ней происшедшего глупо даже думать иначе.

Девушка еще раз рассмотрела синий листочек.

Во-первых, ТС – явное обращение к ней. ТС – Татьяна Садовникова. Тут и к гадалке не ходи.

Но что значит *«внутри такой же, как снаружи»*?

Может, имеется в виду сам листок? И он *внутри себя* содержит – *так же, как и снаружи*, — некую важную информацию?

Таня ненадолго задержалась в гараже и отлила в одну бутылку немного электролита, а в другую – бензина.

Пора вспомнить школьные уроки химии!

Дома Татьяна первым делом включила газ и встала над конфоркой, держа в руках синий листок. Бумага быстро нагрелась – однако симпатические чернила на ней не проступили. «Ладно, графа Монте-Кристо из меня не вышло», – не расстроилась Таня. Весь вечер она погружала листок то в разбавленный электролит, то в бензин, то в уксус и до последнего надеялась, что произойдет химическая реакция и на бумаге появятся буквы. Однако ничего не происходило. Листок промок, съезжился и по-прежнему не желал выдавать никакой информации.

«Может, никаких сведений *внутри* листка и нет? Может, подразумевается нечто другое?» – терзала себя Таня.

Должно что-то быть. Хорошо, допустим, не текст. Не содержание. Тогда что? Имеется в виду форма?

Что может быть внутри такое же, как снаружи? Татьяна заглянула в одежный и книжный шкафы, покопалась в буфете. Ничего необычного. Может быть, цвет? Синий чайник в белый горошек. Ваза для цветов из синего стекла. Одежда? Татьяна ринулась к гардеробу. Эта кофточка? Нет, она скорей сиреневая.

Джинсы? Голубые. А вот пиджак, который она купила в Праге, – действительно синий. Синий, как небо в июньский день. Таня стряхнула пиджак с плечиков, проверила карманы – пятирублевая монетка и обертка от жвачки. А под подкладкой?

Она быстро нащупала что-то твердое и безжалостно рванула хрупкую ткань. Ей в руки прыгнуло изумительной красоты кольцо из белого золота.

В изящной оправе сиял голубой топаз.

Глава 2

Он же, топаз, сиял у Садовниковой на пальце, когда она субботней ночью возвращалась домой. На работу Таня камень надевать не рискнула. Начнутся расспросы или как минимум ехидные взгляды.

Совсем другое дело отчим – ветеран разведки Валерий Петрович Ходасевич. От него у Тани секретов не было. Ну, или почти не было.

Вот и в ту субботу, отправившись к отчиму в гости, она топаз надела. Накормив падчерицу до отвала разными вкусностями собственного приготовления – фетуччини с морепродуктами, шарлотка, капучино, – Ходасевич спросил:

- Камушек поклонник подарил?
- Ты не согласишься, Валерочка, нашла.
- На улице?
- Нет! За подкладкой собственного пиджака.

И она поведала полковнику все то странное, что творилось с нею в последние недели, – и про телеграмму, намекавшую на обрушение курса, и про мэйл, предупреждающий об арестах, и про синий листок в поликлинике.

Валерий Петрович закурил свой любимый болгарский «Опал». Наполнил малогабаритную кухню вонючим дымом. Молвил:

- Странная история... – Спросил: – У кого-нибудь имеются ключи от твоей квартиры?
- Нет. Мама не в счет. В смысле, жена твоя бывшая – Юлия Николаевна.
- А у твоего – как это говорится по-современному – бойфренда?
- Валерочка, нет у меня настолько близких бойфрендов, чтобы им ключи от квартиры давать.
- Какой у тебя на входной двери замок?
- Обычный. Английский. И дверь не железная. Давненько же ты у меня в гостях не был!
- Не приглашаешь.
- Твою тушу попробуй из дому вытащи!
- Какую там тушу!.. Всего-то шесть пудов... Ну, ладно, к делу. Замок на двери обязательно смени. Завтра же.
- Ты думаешь, у меня в квартире кто-то шарит?
- А как иначе объяснить появление топаза под подкладкой? И то, что в послании по электронной почте ссылались не просто на «Унесенных ветром», а именно на то издание, что валяется у тебя в ванной?
- Да, Валерочка, ты прав, как всегда. А как растолкуешь телеграмму, в которой выдавалась страшная банковская тайна?
- Понятия не имею. Но буду думать. А может, даже наведу кое-какие справки... Хотя, скорее всего, Танюшка, разгадка окажется до отвращения проста.
- Например?
- Например, какой-то твой тайный поклонник – информированный и богатый – эдаким замысловатым образом хочет, чтобы ты обратила на него свое благосклонное внимание. Он же знает, что ты в душе авантюристка, обожаешь все таинственное и загадочное, – поэтому цепляет тебя красивыми историями в духе Дюма-отца. А потом, в один прекрасный момент, он выйдет из тени и заявит: «Привет тебе, дорогая Таня, от телеграфиста с синим листочком! Как, и вправду покрепчал русский парень?..»
- Ду-умаешь?.. – с сомнением и разочарованием протянула Таня.
- ... То был один из немногих случаев, когда отчим в своих догадках оказался не прав.
- А может, он просто хотел успокоить падчерицу?..

...Итак, поздним вечером в субботу Таня возвращалась от Валерия Петровича, проживающего в Останкине, к себе домой в Новогиреево. Верный «пежик» – новенькая «Пежо-106» – шел на высоких оборотах. Недавно реконструированная пятиполосная МКАД послушно стелилась под колеса. Машин было мало, «пежик» выжимал сто сорок, фонари так и мелькали пообочь.

Через полчаса Таня уже свернула на шоссе Энтузиастов. Скоро она будет дома.

Однако на одной из глухих улочек Новогиреева ее остановил гаишный патруль.

Таня сквозь зубы выругалась: «Нет от вас покоя!»

Выходить из машины не стала: ночь, безлюдье, мало ли что у патрульных на уме. Дождалась, пока мент ленивой походкой дошкандыбает к ней. Открыла боковое стекло, протянула сержанту документы. Тот острым глазом осмотрел девушку, затем глянул на права и попросил (именно попросил, очень вежливо!):

– Татьяна Валерьевна, откройте, пожалуйста, багажник.

– Хотите на запарку посмотреть? Так она у меня не в багажнике, а висит под днищем.

Однако гаишник не принял ее шутливого тона. Повторил, уже строго:

– Багажник откройте.

Чертыхнувшись про себя, Таня вылезла из салона и подошла к багажнику. Тут и второй мент рядом откуда ни возьмись появился – в большем чине, чем первый, – кажется, даже майор. Садовникова распахнула багажник:

– Вот, полюбуйтесь. Огнетушитель, знак аварийной остановки, аптечка.

Однако... Помимо привычного барахла, за год успевшего скопиться в «пежике», в неверном свете лампочки, освещавшем багажный отсек, виднелось нечто, никогда не виданное Татьяной: небольшой черный полиэтиленовый пакет, перемотанный скотчем.

Второй милиционер – тот, что в немалом чине, – указал на него.

– Что это такое?

– Понятия не имею... – пробормотала Таня. – В первый раз вижу... Это не мое...

– Значит, не ваше, – хмыкнул он и обратился к напарнику: – Будем оформлять.

А дальше все завертелось – потрясенная Таня даже не успевала следить за событиями. Рядом появился мужик в кожанке, по виду – еще один мент. Возникли откуда-то и двое гражданских – муж и жена средних лет. Они опасливо поглядывали на Таню и внутрь багажника.

– Внимание, поняты, – произнес, обращаясь к ним, майор. – Производится выемка наркотического средства.

Он надел перчатки и достал из багажника сверток. Затем, держа его в руках, взрезал ножом. Из пакета высыпалась толика белого порошка. Мент сунул в порошок мизинец. Лизнул его. Удовлетворенно произнес:

– Героин. – И добавил, взвесив сверток на ладони: – Явно – особо крупный размер. Готовим протокол изъятия и задержания.

И тут же третий мент – тот, что в штатском, – схватил Таню за руки, завернул их за спину – и не успела она даже охнуть, как на ее запястьях защелкнулись наручники.

* * *

Ошеломленная Таня не могла понять, что происходит. Все, что она сумела, – это выкрикнуть:

– Сверток не мой! Мне его подбросили!

– Все так говорят, – удовлетворенно молвил майор и, больно схватив девушку за локоть, препроводил ее к патрульной машине.

Затем, толкнув за шею, усадил Садовникову на заднее сиденье милицейского «Форда». Там помещался второй штатский, – на которого она чуть не упала. Штатский подвинулся и даже помог ей усесться.

А еще через минуту рядом с нею плюхнулся мент в кожаной куртке. Сержант уселся за руль, и авто сорвалось с места.

Таня заплакала.

* * *

Она не различала дороги, не видела, куда ее привезли.

Когда Таню вывели из «Форда», она сообразила, что ее доставили в отделение милиции. Несмотря на поздний вечер, жизнь здесь кипела. Дежурный за стеклянной перегородкой что-то на повышенных тонах втолковывал просителю. За железной решеткой «обезьянника» сидело несколько человек, и оттуда раздавались нестройные вопли. Прошли двое постовых в сдвинутых на затылок фуражках и с автоматами в руках.

Двое ментов в штатском, арестовавших ее, повлекли Таню по лестнице. Сержант – тот, что сидел за рулем, – куда-то делся. Никто из встречающих не обращал на девушку в наручниках никакого внимания.

Путь их окончился на втором этаже.

Первый мужик в кожанке втокнул Таню в кабинетик, где стояло несколько столов.

– Расстегни ее, Ефимов, – сказал второй, – да усади.

Второй разомкнул наручники за спиной Тани – они успели ужасно натереть запястья, – однако тут же нацепил их спереди. Так было лучше, но ненамного.

Второй вывалил на канцелярский стол содержимое ее сумочки: паспорт, мобильник, бумажник, косметика...

– Вы не имеете права... – прошептала Таня.

Не обращая на нее ни малейшего внимания, двое в штатском принялись устраиваться в комнате. Они сняли куртки – под ними у обоих оказались кобуры с пистолетами.

– Поставь, что ли, чайку, Ефимов, – молвил первый.

Он, очевидно, был у них за старшего. К нему и обратилась Таня:

– Я имею право позвонить!

«Сейчас звякну Валерочке, – подумала она, – и он быстро во всем разберется!»

– Ишь ты, – заметил второй, по фамилии Ефимов, обращаясь к напарнику, – позвонить ей надо. Фильмов американских насмотрелась.

– Ты еще адвоката потребуй, шалава, – лениво заметил первый.

Он перебрал содержимое Таниной сумки, полистал ее записную книжку. Видимо, ничего интересного для себя не нашел, сгреб все вещи со стола обратно в ее «Праду». Потом отомкнул старинный сейф и бросил сумку туда.

– Я требую адвоката, – упрямо сказала Татьяна, чем вызвала гомерический хохот обоих ментов.

– Насмешила, б***ь, – проговорил Ефимов. Бранное слово в его устах прозвучало обыденно, словно и не ругательство вовсе.

– Значитца, так, – молвил сидящий за столом первый, главный (подделывался, подонек, под Высоцкого – Жеглова). Он свирепо посмотрел прямо в глаза Тане. – Ты, Садовникова, задержана за хранение наркотических средств в особо крупных размерах. И отсюда тебе светит по статье двести двадцать восьмой УК семь лет особого режима. Усвоила? Семь лет! Твою оставшуюся, блин, молодость ты проведешь где-нибудь в Чите, где тебя, такую красивую, будут по очереди иметь вохра и местные коблы. И выйдешь ты оттуда – если, конечно, выйдешь – без зубов, вся в морщинах и с открытой формой туберкулеза. Поняла?!

Таня смотрела на него глазами, полными слез.

Мент по фамилии Ефимов в это время как ни в чем не бывало налил в фарфоровые кружки чаю себе и напарнику. Потом примостился где-то за спиной Татьяны – так, что та его не видела.

Главный, сидя за столом, продолжил, взглядом крокодила впиваясь в зрачки девушки:

– Однако если ты, Садовникова, сейчас нам расскажешь – по-хорошему расскажешь! – кто тебе передал данный сверток и для кого он предназначался, я тебе тут же оформлю явку с повинной. Сегодня же уйдешь домой под подписку. И получишь потом, может, пару лет условно. А может, и замнем твоё дело для ясности. Я тебе обещаю.

– Я ничего не знаю.

– Не сердь меня, а лучше давай колись. У тебя одна попытка и тридцать секунд на размышление. Как в игре «Что? Где? Когда?». Поняла?

Татьяна не ответила, и мент продолжал разглагольствовать:

– Ну, ответ на вопрос «что?» мы знаем: героин в особо крупных размерах. А тебе надо рассказать: «Где?» и «Когда?» Где получила? Когда получила? А самое главное: «Кто?» Кто – наркотик передал, для кого он предназначался... Итак, Садовникова, у тебя есть шанс схватить суперприз. Время – пошло!

И он вправду нажал на секундомер на своих наручных часах. Потом потянулся, снял с себя кобуру с пистолетом и лениво бросил их на стол.

Таня молчала.

Часы мента издали противный писк.

– Время! – юродствуя, проговорил допросчик.

– Я ничего не знаю, – прошептала Таня. – Я правда ничего не знаю. Я никогда не видела этого пакета. Мне его подбросили. Я клянусь вам!

– Ответ неверный, – лениво сказал допрашивающий, скрестив руки на груди. – Суперприз отправляется в город Задрюпинск. А игрок Татьяна Садовникова лишается своего последнего шанса – явки с повинной.

– Это какая-то ошибка! – отчаянно выкрикнула Таня.

Главарь кивнул партнеру.

Таня не видела, что тот делал за ее спиной, но через мгновение он набросил ей что-то на голову и сдавил у шеи... Кажется, то был полиэтиленовый пакет... Таня не могла защититься – руки были скованы наручниками. Она попыталась вырваться, однако мент крепко держал ее за плечи. Через полминуты она стала задыхаться. Воздуха не хватало. Она сделала жадный вдох, но в легкие не поступило ни глотка кислорода. Ею овладела дикая паника. Она еще раз дернулась, пытаясь высвободиться, однако стальные руки сволочи Ефимова крепко держали ее. Перед глазами полетели черные мушки. Она почувствовала, что теряет сознание.

И в этот момент мент содрал с ее головы пакет. Татьяна, захлебываясь, вдохнула воздух и сползла со стула на пол.

Она сидела на полу и жадно дышала. Мент-дознаватель из-за стола с любопытством естествоиспытателя, словно на насекомое, смотрел на нее.

«Они меня тут уморят, – мелькнула у Тани паническая мысль. – Я не выйду отсюда!»

– Ну, ты встанешь, Садовникова? – глумливо спросил милиционер, сидящий за столом. – Или мне прилечь рядом?

Татьяна с трудом поднялась на ноги, а потом, опустив голову, выдавила из себя:

– Я скажу все.

В голове у нее мелькнуло: «Я им не Зоя Космодемьянская. Я признаюсь, в чем они хотят, даже в том, что рыла тоннель от Багдада до Парижа».

– Ну, вот и чудненько, – сказал первый мент и почесался.

Таня рухнула на стул.

– Развяжите мне руки, – попросила она. – И дайте карандаш и бумагу. Я все напишу. Менты переглянулись.

– Сними с нее «браслеты», Ефимов, – командовал сидящий за столом. – И дай ей ручку и бланк.

Второй подступил к Тане, достал ключик и расстегнул наручники. Она стала массировать руки, чтобы к ним скорее прилила кровь и вернулась чувствительность.

Ефимов присел за пустой стол сбоку, наклонился, залез в ящик и стал рыться в нем.

Главный мент, ухмыляясь, качался на стуле, заложив руки за голову. Перед ним стояла кружка дымящегося чая и лежала кобура с пистолетом.

«Боже, как же я вас ненавижу!» – мелькнуло у Тани.

И в следующий миг, подчиняясь не сигналам мозга, а какой-то звериной интуиции, она шагнула к столу, схватила кружку с чаем – и выплеснула обжигающую жидкость прямо в лицо менту!

«Господи, что я делаю!» – успела подумать она, и это была ее последняя связная мысль, потому что ошпаренный мент заорал во всю глотку: «У-у-у!.. Су-у-у-а-а!..» – а Ефимов вынырнул из своего ящика – на его лице было написано детское недоумение.

– Стоять!! – заорал он и полез в кобуру за пистолетом.

Выхватить он его успел, но вот прицелиться в Таню – нет. Потому что она тоже не теряла ни секунды. Вытащила из валявшейся на столе кобуры «макаров», сняла оружие с предохранителя – и выстрелила в Ефимова.

Тот рухнул на пол.

Услышав звук выстрела, ошпаренный дознаватель сполз со своего стула под стол и прикрыл голову руками.

Татьяна на секунду замерла, не зная, что делать дальше. Потом бросилась к окну.

Кабинет располагался на втором этаже. Окно, слава богу, оказалось без решеток. В метре под ним находился козырек над входом в здание. Внизу – небольшой и пустой, слава богу, двор. За ним – бетонные стены высотой в два роста. А потом – распахнутые ворота, перекрытые шлагбаумом.

Ситуацию Таня успела оценить за долю секунды. Сзади нее было тихо. Видимо, один милиционер был убит. Второй – обожжен, а главное, испуган.

Девушка ударила в стекло рукояткой пистолета. Полетели осколки. Натянув на кисть куртку, Таня выбила остатки стекла.

Затем вылезла на подоконник и, не раздумывая, соскочила на козырек.

Сделала по нему три шага и тут же прыгнула вниз, на землю.

Удар получился мощный – по сути, она летела со второго этажа, – однако не сильнее, чем когда она совершала свои первые прыжки на «дубе»¹. Таня даже не упала. Она лишь присела, амортизировала удар, а потом бросилась в открытые ворота.

На бегу недоуменно посмотрела на «макаров» в своей правой руке и отшвырнула его в темный угол двора ментовки.

Сзади все было тихо.

В воротах ей повстречался огромный бритый мент с «калашниковым» на плече. Он шел навстречу и скользнул по ней взглядом. Таня прошла мимо, не глядя на него. Мент с автоматом ее не остановил.

И уже когда вышла из ворот, откуда-то сзади и сверху – наверное, из окна – раздался вопль:

– Стой! Стой, стрелять буду! Держи ее!

¹ Дуб – на жаргоне парашютистов так называется парашют Д15У, вес которого составляет около 18 кг.

Татьяна бросилась бежать со всех ног.

Улица оказалась пустынной – да, собственно, и не улица это была, а какие-то промышленные задворки Москвы. Напротив – проходная предприятия, закрытого по случаю глубокой ночи.

Вправо вела дорога, на которой стояло несколько припаркованных милицейских и гражданских машин.

Налево – стройка, огороженная бетонным забором. Рядом со стройкой – множество гаражных боксов.

За гаражами виднелась березовая роща, непонятно зачем забредшая в город.

Не рассуждая, почему именно туда, Садовникова бросилась налево, к стройке и гаражам. Слава богу, одета она была не по-офисному, а в любимые джинсы и «скетчерсы».

Таня летела со всех ног.

А сзади раздался возглас – уже не из здания, а с улицы:

– Стой!

Потом еще один:

– Стой, стрелять буду!

Забор стройки был совсем рядом. Стройка и гаражи. Там, казалось Садовниковой, – спасение.

Сзади прогремел одиночный выстрел. Она мчалась. Затем прозвучала автоматная очередь: та-та-та-та!

Татьяна прямо-таки физически почувствовала, как пули пролетели чуть выше ее головы. Она увидела, как они вонзились в бетонное ограждение стройки.

Но рядом уже были благословенные гаражи, и Таня метнулась налево, в никем не охраняемый проход между ними.

Она выбежала из зоны обстрела.

Проезд, по которому она неслась, был освещен двумя яркими фонарями. Здесь Таня как на ладони. Однако, чтобы стрелять, ментам еще надо добежать до гаражей.

Дорожка венчалась новой бетонной стеной. До нее было совсем недалеко – метров пятьдесят. Примерно столько же, как от ментовки до начала гаражей. Теперь все зависело от того, кто добежит раньше: она до стены или менты с автоматами до начала проезда. Таня летела во весь дух.

Вот она уже у стены. Стена высокая, метра два, однако, слава богу, у ее основания валяется ржавый скелет «Жигулей».

Единым махом Таня взлетела на него. Схватила за верх стены. Подтянулась на руках, перебросила через ограду ногу.

И в этот момент сзади, уже без всякого предупреждения, снова протатакала автоматная очередь.

Не глядя, что там внизу, только понимая, что впереди спасительная темнота, девушка свалилась со стены.

Ее встретили относительно ровная земля и кустарник. Таня снова удержалась на ногах – только какая-то ветка больно хлестнула ей по руке.

Впереди была березовая рощица. Здесь оказалось темно, только стволы деревьев мерцали белым. Сразу за рощицей высились громады многоэтажных домов. В каждом светилось лишь одно-два окошка.

Татьяна понеслась через рощу к домам. Она ожидала, что вслед ей вот-вот снова ударят выстрелы, и это придавало сил. Дыхание срывалось, воздуху не хватало, ноги словно налились свинцом, но Таня понимала, что ставка в забеге – ее собственная жизнь. И потому бежала что было мочи.

Ноги чавкали по осенней грязище. По лицу хлестнула ветка. Однако сзади – не стреляли.

Таня добежала до края рощи.

Здесь начинались тротуары, вдоль них – семнадцатизэтажные дома. Впереди виднелась улица: фонари и лениво проскользнувший по дороге отблеск фар.

Преодолевая страх, Таня обернулась. За березовой рощицей, за белыми стволами хорошо видна была серая стена, ограждавшая гаражи. Однако на ее фоне не виднелось ни единого силуэта.

И никто не бежал через рощу. И никто не стрелял вслед. Все было удивительно тихо. Неужели погоня отстала?

Таня перешла на шаг. Она тяжело дышала. Ноги, казалось, одеревенели.

В какой-то миг в ней волной пронеслось ликование: «Спасена!» Но тут же явилась другая, здравая и больше похожая на правду мысль: «Менты просто отправились в обход. Они не побежали за мной. Они вообще не любят бегать. Сели на машины и решили зайти со стороны домов. У них есть преимущество: колеса. И они знают этот район как свои пять пальцев. А я не была здесь никогда в жизни. Поэтому надо что-то придумать...»

Странно, что после стольких испытаний у нее сохранилась способность рассуждать здраво. Но голова и правда оставалась на удивление ясной и трезвой. Еще бы – Таня боролась за свою собственную жизнь.

«Что делать? Забежать в подъезд? Но там стальные двери, замки и консержи. И потом: подъезд – это ловушка. У него только один вход. Чердаки после недавних терактов закрыты. Нет, подъезды отпадают...»

Татьяна быстро, но стараясь не выглядеть торопливой, шла вдоль домов. У подъездов дремали припаркованные автомобили. На улице ни души. Москвичи мирно спят. Жители, похоже, даже не обратили внимания на выстрелы, доносившиеся из-за рощицы. Решили, наверно: подростки петарды взрывают.

На ходу успокаивая дыхание, Таня скинула с себя легкий пуховик. Вывернула его наизнанку. Надела снова. И так, раньше она была в светло-голубом. Теперь – в темно-зеленом. Может быть, это собьет преследователей с толку.

Ноги сами несли Таню в сторону улицы. Чутье подсказывало: ей надо как можно скорее убираться из этого района. Но как? Поздняя ночь, автобусы не ходят. Угнать машину? Вон их сколько вокруг, припаркованных: от старых «Москвичей» до свеженьких иномарок. Однако она не имела ни малейшего понятия о том, как угоняют автомобили. Это только в голливудских фильмах легко. В Америке ключи вообще бросают в зажигании. А у нас немедленно включится сигнализация, и хозяин выскочит из подъезда с бейсбольной битой...

Оставалось одно: поймать тачку. У нее ни денег, ни документов, но она подумает об этом позже. Сейчас главное – поскорее сматываться отсюда.

Таня вышла на глухую, озаренную редкими фонарями улицу. Ни единой машины ни в одном направлении. Вокруг только дома, дома, дома... В каждом – всего по паре светящихся окон. Судя по тому, как их немного – часы у Тани тоже отобрали, – сейчас часа три-четыре ночи. Самое глухое время.

И вдруг... Далеко, в перспективе улицы, показалась машина. Но совсем не такая, как нужна была Садовниковой. Ровным счетом – наоборот. Милицейская «раковая шейка» с включенной «люстрой» (однако без сирены) черепашим шагом ползла вдоль тротуара.

Татьяна метнулась и спряталась за рекламный щит. Единственное на обочине чрезвычайно ненадежное убежище. В мозгу лихорадочно пролетело: «Что делать? Опять бежать? Но *они* заметят, обязательно заметят – бегущий человек всегда привлекает внимание...»

И тут, как спасение, с противоположной стороны улицы, из дворов, вырулила черная иномарка. Не спеша поехала в сторону Тани.

Девушка выступила из-за рекламного щита. Она рисковала, что менты в патрульной машине ее заметят. Но что делать? У нее оставался единственный шанс: вот этот проезжавший мимо черный лимузин.

Таня сделала небрежный знак рукой. Не замахала отчаянно. Не бросилась под колеса. Она интуитивно понимала: тут как в жизни. Будешь проявлять излишнее нетерпение или явно выказывать, *насколько тебе это нужно*, – скорее всего пролетишь. Получишь шиш с маслом. А хватит силы воли оставаться небрежной и демонстрировать, что *не очень-то и хотелось*, – на тебя могут обратить внимание.

Метод сработал. Иномарка остановилась. За тонированными стеклами не видно, кто в ней сидит. Пассажирская дверца открылась. И Таня, словно в омут, бросилась туда, в спасительное нутро автомобиля.

Она знала: никогда нельзя садиться в попутку, пока наверняка или почти наверняка не убедишься, что ее шофер относительно безопасен. Пока не увидишь, что в ней, кроме водителя, нет иных пассажиров. Однако сейчас у Татьяны просто не было выбора. Она кинулась в иномарку, не глядя, словно в такси где-нибудь на улицах Парижа. Что бы ни ждало ее внутри – оставаться на улице было во сто крат хуже.

В машине оказалось не страшно.

За рулем сидел мужик. Выглядел он так, что мама, Юлия Николаевна, вполне могла бы назвать его «интеллигентным». На заднем сиденье – никого.

– Поехали! – скомандовала (именно скомандовала!) Таня.

Мужик послушно включил передачу и спросил:

– Куда?

Таня автоматически назвала свой адрес:

– На Металлургическую.

Водитель, не говоря ни слова, разогнал свой лимузин.

Они миновали встречную милицейскую машину. Таня вжалась в сиденье.

Слава богу, из ментовской тачки никто не выскочил, «раковая шейка» не развернулась, не начала преследование.

Они – не заметили. Они просто не заметили. Ни девушку на обочине, ни то, как она садилась в иномарку.

Таня перевела дух.

Она искоса глянула на водителя: хорошо одет, причем в деловом стиле: белая рубашка, галстук, ворот расстегнут. Пиджак висит на плечиках за шоферским креслом. Спокойное, волевое лицо. Достаточно молод: лет тридцати пяти.

В машине тепло, пахнет мужским парфюмом и, кажется, даже кофе. Негромко наигрывает джаз.

– За вами кто-то гонится? – вдруг спросил шофер участливо.

Таня не стала отвечать вопросом на вопрос: с чего вы, мол, взяли? Глупо оправдываться. Даже беглого взгляда со стороны достаточно, чтобы понять: с ней что-то не в порядке. Ее ботинки в грязи, лицо расцарапано. Ладони перепачканы побелкой (видимо, вляпалась, когда перемахивала через стену гаражей). Общий вид – явно встрепанный. Да и дыхание до сих пор полностью не восстановилось.

Садовникова решила не врать водителю. Ну, или *почти* не врать. И твердо сказала:

– Да, за мной гнались. – А потом добавила: – Подонки какие-то, пацаны, привязались. Четверо. Еле от них убежала. Придурки.

– У вас на щеке кровь.

– Да?

Таня отогнула солнезащитный козырек. С его обратной стороны – так же, как в ее любимом «пежике», – имелось зеркальце.

– Включите мне свет, – приказала Татьяна.

Она давно усвоила: мужики *обожают* приказной тон. Настолько измывались, что почти все любят, когда ими командуют и помыкают. И этим почаще следует пользоваться. Тем более в экстремальной ситуации.

Вот и водитель беспрекословно включил лампочку на потолке салона.

Машина тем временем бесшумно скользила по пустынным столичным улицам.

Таня посмотрела на себя в зеркальце. Общий вид ей, против ожидания, понравился. Да, поперек щеки идет багровая полоска: ветка, сволочь, хлестнула. Волосы растрепаны. Однако на лице появился приятный румянец. И глаза горят – давно замечено: выброс адреналина оказывает благотворное влияние на ее организм.

Таня поправила волосы. Пуховик задрался, обнажая ее запястья. Она увидела, что на них до сих пор заметны следы от наручников. Она машинально натянула на кисти рукава пуховика. Искоса глянула на водителя: тот, кажется, ничего не заметил. Смотрел на дорогу, чему-то улыбался.

«У меня нет денег, – подумала Таня, – но такого водилу, *интеллигентного*, я сумею уболтать. Еще за счастье почтет, что меня бесплатно довез».

Впервые за всю дорогу она пристально посмотрела в окно – и узнала местность, где они ехали.

Машина миновала путепровод близ железнодорожной станции Новогиреево и приближалась к кинотеатру «Киргизия». Скоро им поворачивать с проспекта налево. Водитель, наверно, хорошо знал Москву, коль не переспросил, как доехать до малоизвестной улицы Металлургической.

Десять минут назад, садясь в машину и скрываясь от погони, она назвала свой адрес машинально, а теперь задумалась. Нет, домой ей нельзя. Никак нельзя.

В руках у ментов остался ее паспорт, а там черным по белому прописка. Дома ее, сто пудов, уже будет ждать засада. Или они явятся за ней через полчаса после возвращения.

На Таню вдруг волной накатила паника. Что она натворила?! Она убила – или тяжело ранила – милиционера. Менты убийство своих не прощают. Никакой Валерочка не сможет ее отмазать. И дело не только в том, что ей светят долгие годы в тюремной камере. Главное, говорят, что в подобных случаях доблестная милиция при задержании не церемонится, стреляет на поражение. Что же ей делать? Решим потом. Но домой ей никак нельзя.

И она сказала водителю:

– Я передумала. Отвезите меня, пожалуйста, в район ВДНХ. На Сельскохозяйственную улицу.

Может, Валера предоставит ей убежище? И, главное, с ним можно будет обсудить, что же ей делать дальше. И он чем-то поможет.

Шофер ухмыльнулся:

– Да вы и сами не знаете, чего хотите.

– А женщины вообще очень противоречивые создания, – рассмеялась Таня.

– Почему меняем маршрут?

– У меня на Металлургической бойфренд, – на ходу соврала Татьяна. – Мы с ним поругались. Неохота к нему возвращаться.

– А на Сельскохозяйственной – еще один бойфренд?

– За кого вы меня принимаете?! У меня там родители.

– А вы уверены, что вам надо сейчас ехать к родителям?

Ни в чем она не была уверена.

А ведь менты вполне могут успеть. Ее может ждать засада и у квартиры Валеры. Их родственная связь вычисляется на раз.

Если не прямо сейчас, то чуть позже – например, утром – к Ходасевичу тоже *придут*.

Может быть, отправиться к маме? Тоже не годится, тоже все просчитывается мгновенно. Да и мама станет задавать кучу всяких вопросов – на которые, видит бог, Татьяне совершенно не хочется отвечать.

Тогда куда? К кому-то из друзей?

Может быть, к Димочке Полуянову? Он, конечно, приютит и поможет – да ведь и этот ее *контакт* легко вычислить...

А может, постучаться в какую-то женскую обитель? Говорят, в монастырях принимают всех страждущих, и денег не берут, и документов не спрашивают...

– Значит, вы не уверены, что вам надо на Сельскохозяйственную, – утвердительно подытожил незнакомец.

– Не уверена, – честно призналась Татьяна.

– Тогда, может быть, поедем в какой-нибудь клуб? – предложил шофер, и в его глазах впервые сверкнула искорка *мужского интереса*. – Поедим, потанцуем?

– Боюсь, что я сейчас не в лучшей форме для танцев, – покачала головой Татьяна.

– Тогда все то же самое – еду и танцы – можно организовать у меня дома.

Водитель словно невзначай, переключая передачу, коснулся Таниной коленки. Она отодвинулась.

Машина свернула на шоссе Энтузиастов и понеслась по направлению к центру города.

В принципе обрести убежище в квартире незнакомца было бы наилучшим вариантом. Однако за сию услугу придется *расплачиваться*. А Таня никогда, никому и ни за что не платила собственным телом. И сейчас не собиралась это делать. Даже в такой пиковой ситуации.

Словно услышав ее мысли, водитель произнес:

– Я ни на что не стану претендовать. По крайней мере, сегодня, в первый же вечер. Я знаю, что у вас, у девушек, есть правило *третьего дринка*...

– Что за правило? – переспросила Татьяна, хотя, конечно же, прекрасно его знала. Однако ей хотелось, чтобы ее нечаянный спутник побольше говорил. Тогда она сможет лучше понять его. А понять – значит наполовину победить.

– Ну, согласно данному правилу, девушка может отдаться мужчине только после третьей совместной выпивки. Тогда она вроде как уже узнает его получше. Чепуха, конечно, на постном масле. А если любовь накрыла в первый же вечер? Так сказать, нахлынула?

– В первый же вечер любовь нахлынуть не может, – убежденно сказала Садовникова. – На меня, во всяком случае.

– Хорошо, – мирно ответил водитель. – Тогда мы просто поедим. А потом я постелю вам на диване. Или, хотите, на диване лягу я, а вам предоставлю свою кровать.

«Врешь ведь, гад, – подумала Таня. – Обязательно станешь ко мне приставать...»

– Мы, кстати, так и не познакомились, – продолжал водитель. – А меня Володей зовут. Как Ленина, как крестителя Руси и нынешнего премьера. А вас, красивейшая незнакомка?

– Татьяна.

– Прекрасное имя. «Итак, она звалась Татьяной...» – приятным баритоном пропел мужик.

«Ну, да где наша не пропадала! – залихватски подумала Садовникова. – Раз я сегодня справилась с двумя извергами-ментами, неужели не разберусь с одним интеллигентным Володей?»

– Ладно, – сказала она. – Поедем к вам. Только с одним условием. Мы принимаем правило третьего дринка и спокойно ложимся спать в разных комнатах. Я ужасно устала, а уже скоро утро.

– Я не дотронусь до вас и пальцем! – с фальшивым энтузиазмом воскликнул Володя.

Он пришпорил своего железного коня, и иномарка понеслась по пустынному проспекту еще шибче.

Глава 3

Жилище Владимира находилось в Сокольниках. Совершенно незнакомый Тане район. Они подъехали к одной из безликих башен. Вокруг, как по всей Москве в столь поздний или ранний час: темные окна, сонные авто, припаркованные у подъезда. Владимир остановил свою иномарку. Вышел, распахнул перед Татьяной пассажирскую дверцу и только потом, несмотря на ночной осенний холод, надел пиджак и накинул сверху пальто.

Затем он открыл Тане дверь подъезда, пропустил ее вперед – словом, вел себя как галантный кавалер. При этом все происходило абсолютно молча.

Таня исподволь изучала своего спутника. Высокий, представительный, широкоплечий. Красивые руки, мужественное лицо. Словом, кандидатуру вполне можно было рассмотреть.

Только не сейчас.

Сейчас Татьяне хотелось одного: забиться куда-нибудь и отключиться. И все забыть. Все, что с нею происходило и происходит. Хотя бы на время.

– Прошу! – Спутник открыл перед ней дверь своего жилища.

Квартира у Володи оказалась небольшая и не слишком обжитая. Сразу видно, что холостяк. Довольно старая мебель, телевизор советских времен. Странно, у него новая иномарка, хорошие часы – и совершенно беспонтовая квартирка. И никаких примет, что это жилище принадлежит ему, – ни фотографий: его любимых и родственников, ни какой-нибудь дурацкой коллекции. Все усредненно, словно в гостинице.

Володя подошел к ней вплотную и попытался обнять.

Таня отшвырнула его ударом кулачка.

Прошипела:

– Мы как договаривались?! Я сейчас уйду.

Он шутливо поднял руки.

– Хорошо-хорошо. Сейчас попьем чайку и баиньки. В смысле, ляжем на разных кроватях.

Его глаза смеялись.

– Сделай мне кофе, – скомандовала Садовникова. – Лучше растворимый. И пару бутербродов с колбасой. И покажи, где у тебя можно помыть руки.

Володя продемонстрировал Татьяне, где находятся удобства.

Дверь в ванную, слава богу, запиралась. В случае чего можно отсидеться здесь. Не будет же он среди ночи взламывать дверь в собственную ванную. Если не удастся, конечно, договориться по-хорошему. Если он наконец не поймет: не нужен ей никакой секс, а нужно хотя бы часов пять сна.

Таня пустила воду на полную катушку. Стала осматривать ванную. Пара зубных щеток – интересно, кому принадлежит вторая? На вешалке – мужской халат, а рядом женский. Вполне возможно, что ее новоявленный ухажер женат, а квартиру использует для интимных встреч. Вот и новую, случайную, жертву сюда привез... Но вряд ли ему в этот раз что-нибудь обломится...

На стене у зеркала – аптечка. Татьяна открыла ее. Стандартный набор лекарств. Аспирин, алка-зельцер, аскорбинка. Таблетки от кашля, левомецетин, имодиум. Средство от инфекций, передающихся половым путем. Да-а, игрун... А вот сюрприз: феназепам. Снотворное. Неплохо. Дозировка небольшая, один миллиграмм, но...

Садовникова посмотрела на себя в зеркало. В нем отражалась красивая, усталая, но совсем незнакомая ей девушка.

Преступница.

«Ну, а раз я преступница, – подумала она, – значит, мне надо идти до конца, чтобы выпутаться из переделки».

Таня вытащила из облатки феназепам три таблетки. Подумала и добавила еще одну.

Извлекла из стаканчика зубные щетки. Бросила внутрь таблетки. Стала их разминать черенком одной из щеток.

Вода все лилась и лилась.

В дверь постучал Володя. Прокричал:

– У тебя там все нормально?

– Да-да! Я сейчас.

Таблетки довольно быстро превратились в порошок. Говорят, кофе скрадывает вкус всяких посторонних добавок. Ну что ж, сейчас проверим. Ты, товарищ Владимир, не согласился добровольно *просто поспать*, придется мне тебя *убаюкать*.

Куда девать приготовленную смесь – не в карман же?

Татьяна выкинула таблетки из пузырька с аспирином прямо в унитаз. На их место засыпала растолченное в порошок снотворное. Сунула пузырек со снадобьем в карман джинсов.

Вышла из ванной. Вымученно улыбнулась Володе:

– Умираю, как спать хочу.

На столе в кухне уже был сервирован кофе. Крупно, по-мужски, нарезан хлеб, колбаса – Танина любимая, сырокопченая. И еще бутылка коньяка (початая) и бутылка шампанского.

Старомодные ходики над холодильником показывали половину шестого.

– Не буду я пить, – капризно сказала Таня. – Давай так: быстро поели, разбрелись по комнатам, а за это я завтра пойду с тобой куда хочешь: хоть в кино, хоть в клуб, хоть в парк. Куда пригласишь. О'кей?

– Ладно-ладно, договорились. Садись.

– А где у тебя салфетки?

– Ах да, сейчас.

Владимир исчез в комнате.

Лучшего момента не придумать.

Таня высыпала сонный порошок в кофе хозяина. Пузырек сунула обратно в карман – как раз в тот момент, когда Владимир возвратился в кухню.

Уселась перед другой чашкой. Чтоб у хозяина не возникло никаких сомнений, сделала оттуда пару плотков. Несмотря на то что есть не хотелось, приготовила себе бутерброд и стала жевать – и тут поняла, что чертовски проголодалась.

Владимир уселся напротив.

И вдруг перед глазами Тани все поплыло. Руки отяжелели. Глаза стали закрываться сами собой.

Она пробормотала:

– Ох... Как спать захотелось...

И опустила голову прямо на стол.

* * *

Таня проснулась в ужасе. Подскочила на кровати. Где она? Что с ней?

Она лежала в незнакомой квартире. Одета, укрытая пледом.

Всхлынули воспоминания о вчерашнем дне. Они прокрутились в голове в обратном порядке: она пьет кофе на чужой кухне... Входит в незнакомую квартиру... Рядом с ней в иномарке сидит мужчина... Она несется сквозь березовую рощу... Ей стреляют в спину... Она летит из окна ментовки... Менты пытаются ее... Находят наркотики в багажнике «Пежо»...

О, как бы Тане хотелось, чтобы это был просто сон!.. Но нет, это был не сон! Совсем не сон!

Садовникова встала. За плотными шторами билось солнце. Часы «Полет», висевшие над телевизором «Рубин», показывали половину одиннадцатого.

Голова казалась ватной. Все тело ломило.

Таня заглянула в другую комнату. Там спал Володя. Голый, но до пояса прикрыт простыней. Была видна его мощная мускулатура и незащитное во сне лицо. Дышал он мощно и ровно. На стуле аккуратно висели рубашка, брюки и пиджак.

Интересно, попробовал он вчера кофе с феназепамом? Или просто спокойно лег спать – после того, как она отрубилась? Главное: он к ней не приставал. Как джентльмен, отнес в комнату, уложил на диван и прикрыл пледиком.

Почему она, кстати, вчера так скоропалительно заснула – практически на ходу? Может, перепутала чашки и хлебнула кофе из той, что со снотворным? Да нет, она точно помнила, куда ссыпала сонный порошок... А может, это организм дал такую реакцию на все перипетии ночи? Все равно странно. Раньше за ней ничего подобного не водилось.

Но раньше ты никогда не убивала милиционеров!

На тумбочке рядом с Володиной кроватью лежали его часы, бумажник, документы. Таня осторожно подошла и заглянула в паспорт. Владимир Чехов, надо же! Имя государственного деятеля и фамилия писателя. Не женат. Детей нет. А прописан совсем не здесь, в Сокольниках, а на улице Мусы Джалиля.

Володя вздохнул. Таня замерла.

Он, не просыпаясь, повернулся на другой бок и укрылся простыней с головой.

Садовникова продолжила изыскания. В бумажнике – триста пятьдесят рублей с мелочью. И еще, в секретном отделении, – сто пятьдесят долларов. И пропуск. Место работы – ТОО «Лесдревзагранпоставка». Должность – начальник отдела.

Татьяна вытащила из кошелька хозяина триста рублей. Сейчас совсем не время для чистоплюйства. Ей надо спасать свою шкуру.

Она свернула купюры и сунула их в секретный карманчик джинсов. Нужно поскорее бежать отсюда, пока Чехов не проснулся. Однако Таня все-таки зашла в ванную.

Выглядела она вполне ничего. Царапина на щеке от хлестнувшей ветки почти прошла. Сейчас бы загримировать ее, но некогда, да и нет у холостяка Чехова никакого грима.

Таня умылась. Почистила зубы указательным пальцем. Наскоро причесалась. Отмыла от грязи свои ботинки.

Все время прислушивалась: не проснулся ли Володя? Но в комнате было, слава богу, тихо.

Садовникова выскользнула из ванной. Уходить, не прощаясь, неудобно. Да и расставаться со своим спасителем почему-то было жаль. На кухне она нашла карандаш и листок бумаги. Написала:

Володя,

спасибо за приют. Извини – взяла у тебя в портмоне 300 рублей. При случае верну. Еще увидимся!

Целую,

Таня.

Положила записку на стол в кухне, среди грязных чашек и заветренной колбасы – пardon, но наводить порядок ей некогда, – и покинула квартиру, ставшую ей убежищем.

Жилище Чехова охранял тривиальный английский замок, и, уходя, Садовникова просто захлопнула дверь.

...Татьяна не могла видеть, что, как только она вышла из квартиры, Володя немедленно открыл глаза, улыбнулся и вскочил на ноги.

* * *

В сущности, на свете был только один человек, который может ей сейчас помочь. И который будет *готов* ей помочь. Который сделает все, чтобы попытаться ее выручить, и не потребует взамен никакой награды.

Она дошла пешком до метро «Сокольники». Оказалось, это недалеко.

На аллее, ведущей от метро по направлению к парку, толпилось множество людей. Кто направлялся гулять в Сокольники, кто пришел сделать покупки. Все-таки воскресенье. Сотни ларьков под полосатыми тентами торговали тысячью разнообразных мелочей.

В одной из палаток Таня прикупила солнечные очки – благо, небо оказалось ясным. Солнце, что необычно для осени, распоясалось вовсю и даже пригревало.

Затем Садовникова вышла на обочину и подняла руку. Остановился один частник, следом за ним – другой и тут же – третий. После прошлогоднего кризиса очень многие приличные люди, пострадавшие от дефолта, подались в частные извозчики.

Таня помнила, как отчим рассказывал ей о шпионской уловке: никогда не садиться в первое же такси, и потому погрузилась в третье. Третью машину она выбрала и потому, что водитель там оказался самым симпатичным. Сторговались доехать до «ВДНХ» за сто рублей.

Частника Таня отпустила за квартал от дома полковника Ходасевича.

Дом, в котором он проживал, – сталинская пятиэтажка – был одним из четырех, образующих каре. Они замыкали двор с четырех сторон. Во дворе росли деревья, имелась детская площадка, стояли лавочки и сушилось белье.

По случаю воскресенья в песочнице и вокруг качелей тусовалось множество детишек. Их родители составили своего рода клуб и курили, гордо следя за своими чадами.

Таня не спеша прошла вдоль дома, находящегося напротив Валериного. До подъезда отчима по прямой – через детскую площадку – метров сто. Вокруг вроде бы ничего подозрительного. Никто не торчит неподалеку от его парадной, за квартирой не наблюдает. Форточка на кухне открыта – значит, Ходасевич дома.

Однако Татьяна решила не спешить. Один из подъездов дома напротив оказался не заперт. Кодовый замок напрочь выломан.

Таня вошла в подъезд и поднялась на третий этаж. Отсюда обзор за Валериным парадным оказался еще лучше.

По периметру всего двора стояли машины. Многие из них были Тане знакомы – по прошлым визитам к отчиму. Вот разваленная, ржавая красная «четверка». Старинное «Вольво». Перекошенный на один бок «Москвич». Новенькая бордовая «девяносто девятая».

Один автомобиль привлек ее внимание. Раньше Таня его никогда в окрестностях дома отчима не видела. (А ведь она бывала у Валерочки довольно часто – раза три в месяц как минимум.)

Танино подозрение вызвала черная «Волга».

Садовникова внимательно присмотрелась к тачке. Из-под багажника у нее поднимался парок. Дымок был хорошо заметен в прозрачном осеннем воздухе. Значит, мотор у «волжанки» работает. Стало быть, внутри кто-то есть. Греется.

Но кто там, в салоне «Волги», не видно. Стекла тонированы. И стоит машина так, что вход в Валерочкин подъезд из нее виден как на ладони. Возможно, именно оттуда за парадным отчима ведется наблюдение.

И те, кто в машине, ждут ее. Сердце екнуло.

Нет, рисковать ни в коем случае нельзя. Бросаться к Валере наобум явно опасно. Надо ждать.

Постепенно у Тани созрел план.

По воскресеньям отчим обычно ходит на рынок: запасается на неделю продуктами, видеокассетами и, главное, сигаретами. Пенсионеры своих привычек не меняют. Наверное, он отправится на базар и сегодня. Таня поймет, когда он соберется выходить, по тому, как он закроет форточку на кухне. Она последует за ним и улучит момент, чтобы подойти к Валерочке... А там пусть уж решает и думает он...

Однако замечательному плану не суждено было осуществиться. Вверху хлопнула дверь. Из квартиры на четвертом этаже вышла тетка с пустыми сумками – видно, тоже решила подзаправиться на рынке. Заметила стоящую у подъездного окна Татьяну и с места в карьер обрушилась на нее:

– А ты что это тут делаешь?! А, шалава?! Куришь? Пьешь? Колешься?!

Еще вчера Таня быстренько отбрила бы сварливую – мало б той не показалось. Но сейчас ей решительно не нужны были скандалы. Ни с кем, никакие.

– Я подружку жду, – кротко проговорила она.

– Какие такие тут тебе подружки?! Нет здесь, у нас, для тебя подружек! Я всех наших жилищек знаю! А ну-ка, давай отсюда, поворачивай оглобли! А то милицию вызову!

Вот уж что было решительно противопоказано Тане, так это встреча с милицией.

Она, не сказав ни слова, отвернулась от окна и сбежала по ступенькам.

Вышла из подъезда, а затем стремительно покинула столь многообещающий Валерин двор.

* * *

Адреналин заставил мозги Тани работать в гораздо более высоком темпе, чем обычно. Не успела она покинуть двор, как у нее уже сложился план «Б» – запасной.

Он был далеко не столь прост, как первоначальный, и далеко не на сто процентов гарантировал успех, но рискнуть стоило. А иного выхода у нее, пожалуй, и не было.

Садовникова знала, где обычно отоваривается отчим – на рынке, разбитом возле одного из входов на ВДНХ (кажется, он назывался «Северным»). Она туда пару раз сама с ним ходила, и Ходасевич рекламировал ей местную дешевизну и качество товаров.

Таня отправилась на базар.

Там по случаю воскресенья кишел народ. Многие – семьями: жена совершает закупки, муж следом волочет сумки и пакеты. Случались и зятя-хлопотуны со списками необходимого, написанными аккуратными дамскими почерками. Но в основном, конечно, толпились женщины – большинство с сумками-тележками, которыми они так и норовили проехаться по ногам.

«Господи, какая незавидная доля! – машинально подумала Таня. – Вот уж не хотела бы прожить жизнь, как они: в будни – на работе, в выходные – покупки, готовка и постирушки!.. Ужас!..»

Но тут все вспомнила и сама себе возразила: «А ты *так* и не проживешь!.. Тебя, между прочим, разыскивают за убийство – забыла?»

Таня вздрогнула, и внутри у нее похолодело. Прочь, прочь эти мысли! Надо действовать, все время находиться в движении. Чтобы ни секунды не оставалось для дурацких рефлексий!

И она быстро зашагала вдоль рыночных рядов.

Какие покупки планирует сегодня сделать Валера, она не знала, однако один товар он будет приобретать обязательно: сигареты. Куряка он страшный, в неделю высмаливает чуть не два блока. Причем курит одну и ту же марку уже в течение лет восьми – с тех пор, как вернулся из последней заграникомандировки: болгарский «Опал». Татьяна еще посто-

янно посмеивалась над ним по этому поводу, предлагала хотя бы на «Мальборо» перейти, но отчим утверждал, что в его возрасте менять привычки уже поздно. И жаловался, как тяжело болгарские сигареты найти. Пока он не обнаружил их неиссякаемый источник где-то именно здесь, на вэдээнховском рынке. В какой конкретно палатке, Таня, конечно, не знала, но тут – это точно.

Эти воспоминания с быстротой молнии пролетели в голове Тани, и запасной план тут же конкретизировался, оброс деталями.

Прочесав вдоль и поперек все ряды рынка и поспрашивав в сигаретных лотках, она обнаружила, что заветными болгарскими сигаретами торгуют лишь в одном. На счастье, продавцом в нем оказался мужчина, а не женщина. На несчастье, являлся он «лицом (как писали в газетах) кавказской национальности».

Садовникова подождала, пока очередь перед ларьком рассосется. Подошла, заглянула в окошко и лучезарно сказала:

– Здравствуйте!

– Здравствуй, красавица! – доброжелательно откликнулось ЛКН, то есть лицо кавк. нац. Говорило оно (лицо) практически без акцента и вообще оказалось довольно приятным.

– Какие сигареты хочешь? «Вог», наверное? Или «Вирджиния слим»? У меня дамские сигареты самые дешевые на рынке, имей в виду!

– Мне пачку красного «Мальборо», – попросила Таня.

«Если все будет хорошо, – загадала она, – то выкурю одну, а остальное – отдам отчиму. Хватит ему уже своей болгарщиной травить себя и окружающих».

– Фуф! – откликнулся джигит. – Почему мало берешь?! У меня «Мальборо» – тоже самый дешевый на рынке!

Рассчитавшись за пачку украденными у Владимира Чехова деньгами, Таня начала:

– Вы знаете, я ведь к вам из газеты. «Молодежные вести» называется. А зовут меня Наташа Тимофеева (чем проще сочетание имени и фамилии, тем скорее они забываются, этой шпионской уловке тоже отчим учил). Я пишу репортаж «Один день на рынке». Поэтому я бы хотела поторговать с вами рядом. И побеседовать: кто вы, откуда, как вам здесь живется и работается.

Сначала лицо кавказца приняло настороженное выражение, но к концу Таниного монолога расплылось в улыбке.

На счастье, он не стал кокетничать и осторожничать: «Почему вдруг я?» Не стал отправлять «журналистку» за разрешением в администрацию рынка. Напротив, вскричал:

– Слушай, корреспондентка, я согласен, но зачем торговать?! Давай с тобой в кафе пойдем, закажем шашлык-машлык, шампанское, и я тебе все про рынок расскажу! Книгу напишешь!

Кафе в компании с джигитом никак не входило в Танины планы, и она твердо сказала:

– Нет-нет, кафе потом. Если время останется. А пока я бы очень хотела постоять рядом с вами, помочь, если можно, в торговле и заодно побеседовать.

– Рядом постоять?! Хорошо, красавица! Все, как ты хочешь!

Грузин (или кто он там был) отпер палатку, выглянул на улицу и сделал широкий приглашающий жест:

– Прошу, моя дорогая!

Внутри вкусно пахло невыкуренным табаком и было полутемно.

Не выходя из образа журналистки, Таня стала выспрашивать джигита о житье-бытье, попутно решительно, но вежливо отклоняя его попытки схватить ее за руку или за иную часть тела.

Оказалось, что джигита зовут Азиз, он из Баку. Приехал в Москву уже семь лет назад и все это время торгует здесь, на вэдээнховском рынке.

Время от времени Азиз отвлекался на очередных покупателей. Таня внимательно смотрела на них из окошка. Однако не появлялось ничего похожего на толстую руку отчима, на его круглое лицо.

– О, я тебе такие тайны про рынок могу рассказать, – возбужденно шептал Азиз, – ты на целую газету репортаж напишешь! Давай, Наташа, лавку закроем, в кафе пойдем! Что здесь тебе интересного?

– Нет-нет, давай еще поторгую, – возражала Татьяна, уклоняясь от настойчивых объятий азербайджанца. От него пахло чесноком и еще чем-то острым, неприятным – наверное, носками. «Нет, долго я здесь не выдержу, – подумала она. – Ну, где же ты, Валера?! Что не приходишь за своими любимыми сигаретами?!»

...Отчим появился только часа через полтора – и как раз в тот удачный момент, когда Азиз в пятый раз предложил ей «выпить шампанского прямо здесь», а она, чтобы отвязался, наконец согласилась. Страшно возбужденный, бакинец убежал. И ровно через минуту в окошке возникло лицо полковника Ходасевича.

Не глядя на Таню, он проговорил:

– Три блока «Опала», пожалуйста.

И тут Садовникова торжествующе произнесла заранее заготовленную фразу:

– Ты знаешь, Валерочка, что за тобой следят?

Когда полковник узрел падчерицу, ни один мускул не дрогнул на его лице, только чуть приподнялась правая бровь.

– Таня? Ты?

– Да, собственной персоной.

– Почему здесь?

– Я же говорю: за тобой следят.

– Да, я заметил, – спокойно молвил Ходасевич.

– Так вот: на самом деле следят за мной.

– С какой стати?

– У меня большие неприятности. Страшные неприятности. Мне надо срочно с тобой поговорить.

Полковник не стал раздумывать даже минуты.

– Я оторвусь от них. Встречаемся через полчаса в ресторане «Роза Востока». Это у входа «Север-три» на ВДНХ – как раз напротив «Рабочего и колхозницы». Проверься, пожалуйста, нет ли «хвоста» за тобой. Как я тебя учил.

И Ходасевич поспешно отошел от палатки, даже не купив свой любимый «Опал».

Таня выждала минуты три – слава богу, Азиз не появлялся, – надвинула на глаза солнцезащитные очки и выскочила из палатки.

* * *

Ресторан «Роза Востока» являл собой заведение с плюшевыми стульями, бархатными портьерами и псевдозолотой отделкой.

Когда Татьяна пришла туда, Валера ее уже ждал.

«Хвоста» за ней, кажется, не было.

Отчим выбрал очень удачное место: лицом к входу и в то же время рядом с кухней. «Можно будет нырнуть туда в случае чего», – подумалось Тане совершенно обыденно. Она поразилась собственной мысли: как быстро она привыкла быть беглецом. Загоняемым зайцем. Животным, на которое идет охота.

Кроме Ходасевича, в противоположном углу ресторана, у окна, сидела компания пожилых кавказцев и с ними две русские сочные матроны.

Таня села напротив отчима. Теперь ее никто не заметит от входа. Ее будет закрывать дорическая колонна (отделанная пластиком под мрамор).

– Я уже сделал заказ, – буркнул Ходасевич. – Тебе, как ты любишь, триста граммов свиного шашлыка и свежавыжатый грейпфрутовый.

– А кофе? – покапризничала Таня.

Она пыталась оттянуть неминуемое: как признаться отчиму во всем, что произошло. От перспективы выговорить слова «я в него стреляла» холодело в груди.

– Кофе закажешь сама, потом, – отрубил полковник. – Ну, давай рассказывай, что ты натворила.

Все, как в третьем классе, когда она разбила окно в учительской.

Только нынче ей придется признаться в убийстве.

Татьяна набрала в легкие воздуха – и выложила Валерочке все.

Лицо отчима, закаменевшее с самого начала рассказа, оставалось непроницаемым до конца. Ни словом, ни жестом он не выразил своего отношения к случившемуся, только в момент, когда она рассказывала о том, как стреляла в мента-садиста Ефимова, болезненно сморщился и страдальчески воскликнул:

– Танечка, ну как же так!..

Когда история была завершена – на описании утра в квартире нового знакомого Владимира Чехова, – полковник проговорил:

– Дело очень серьезное.

– Да я сама знаю! – почти выкрикнула Таня. – Но я не виновата! Разве ты не видишь: меня подставили!

Однако полковник сделал жест: мол, не мешай. Он полуприкрыл глаза и стал шевелить губами: думал, значит.

Татьяна в это время принялась уписывать шашлык. Есть ей вроде бы не хотелось, но, когда принесли мясо, да с жареной картошкой, она прямо-таки набросилась на него. Еще бы: ее последней трапезой был вчерашний ужин в квартире Ходасевича. Как тогда все было мирно и спокойно!

Наконец, после пяти минут молчания, отчим внушительно произнес:

– Сейчас я вывезу тебя из города. Место, где ты будешь скрываться, со мной связать довольно трудно. Даже очень трудно. Ты будешь сидеть там тише воды ниже травы. А я тут пока займусь твоим делом. Посмотрим, что можно сделать по моим каналам. В крайнем случае постараюсь вывезти тебя из страны – однако на это нужно время. А ты – чтоб ни шагу из того дома, куда я тебя привезу. Даже во двор нос нельзя высовывать. Поняла?!

Таня торопливо закивала.

Все-таки чрезвычайно приятно, когда находится мужчина (пусть не любимый, а родственник!), который говорит: «Я возьму на себя все твои проблемы». И начинает думать и действовать за тебя.

Прошло три дня.

Валера поселил ее в дачном поселке километрах в пятидесяти от Москвы.

Отправились они туда сразу после ресторана, на частнике. По пути закупили гору продуктов. Отчим потратил громадную – для него, пенсионера, – сумму в долларах. Таня сказала: «Когда все устанет, я тебе деньги отдам». Ходасевич сделал решительный отметающий жест.

Все переговоры с хозяевами дома полковник вел из телефона-автомата. А когда заехали к ним за ключами – отчим поднялся в квартиру один.

Особняк был роскошный, но недостроенный. На участке валялись обломки строительных лесов, кирпичи и бадья из-под цемента. В доме были отделаны только огромная гостиная-кухня и пара спален.

Зато в нем оказалось тепло. Из кранов бесперебойно поступала холодная и горячая вода. Действовала газовая плита, микроволновая печь и даже посудомойка. Маленький телевизор ловил пару программ.

– Итак, Татьяна, сей дом есть твое убежище, – сказал отчим на прощание. Таня никогда в жизни не видела его таким озабоченным. – Повторяю: отсюда – ни ногой. Даже во двор не выходи. Шторы наглухо закрыть, на звонки в ворота никому не отвечать. Телефона здесь, слава богу, нет.

– Почему «слава богу»?

– Потому что у тебя не будет искушения нарушить режим молчания. А то знаю я тебя, непоседу.

– Валерочка, на работу мне позвони. Скажи, что меня скосила тяжелейшая болезнь – скажем, вирусная пневмония. Я в инфекционной больнице, делегаций не принимаю и на звонки не отвечаю. Да, и мамуле тоже брякни. Ей скажи, что у меня, наоборот, срочная заграникомандировка.

– Все сделаю, не волнуйся.

– Сколько мне здесь сидеть?

И тут впервые отчим сорвался.

– Сколько надо, столько и будешь сидеть! Ясно?!

Татьяна надула губки. И это вместо того, чтобы ее похвалить, как лихо она сбежала из ментовки.

На прощание отчим с падчерицей все ж таки обнялись.

– Спасибо тебе, Валерочка, за все.

– Я постараюсь разобраться в твоём деле.

...И начались томительные дни домашнего ареста.

В первый вечер Тане все было внове. И витая лестница на второй этаж. И вид с балкона на водохранилище. (Один из запретов Ходасевича она все-таки на две минутки нарушила, на балкон выглянула.) И полностью обставленная спальня на втором этаже – тут даже кровать с балдахином имелаась.

На второй день Садовникова начала томиться. В доме нашлось только две зачитанные, заляпанные строительным раствором книжки, да и те из серии «Обожженные зоной»: «Москва бандитская» и «Москва бандитская-2».

«Может, стоит прочитать? – мрачно пошутила сама с собой Татьяна. – Ознакомиться, что ждет меня в будущем? Нравы зоны и все такое...»

И тут поймала себя на мысли, что последнюю фразу произнесла вслух. «Что ж я, как бабка, сама с собой разговариваю!» – разозлилась она и включила прежде ненавистный ей телевизор.

Сейчас у нее имелись дополнительные причины не любить проклятый ящик. Она боялась, что по всем программам будут демонстрировать ее портрет – естественно, с соответствующим закадровым текстом: «За убийство работника милиции разыскивается особо опасная преступница...»

Однако ни в «Дорожном патруле», ни в других криминальных программах о ней не говорилось ни слова.

Сначала Садовникова испытала громадное облегчение, а потом стала размышлять.

«Может, я и не убила вовсе этого садиста Ефимова? Может, просто ранила? О, дай бог, чтобы я его только ранила – причем легко! Или вообще промазала!..»

Она раз за разом прокручивала в памяти все, что с ней случилось в ночь на воскресенье.

«Ясно, что меня подставили. Подбросили в багажник «пежика» героин. Но кто? И зачем? Кому я помешала?»

Она даже составила в уме список врагов. В ее обыденной жизни таковых не было. Во всяком случае – врагов со столь широкими возможностями.

Быть может, это враг из прошлого? Таня припомнила свои приключения годичной и двухлетней давности. Но те враги – кто мертв, кто сел в тюрьму, кто скрывается в эмиграции. И даже если все натворили мерзавцы из прошлого, возникает вопрос: почему они вдруг стали действовать сейчас?

А ведь, кроме героина, с ней в последнее время случались и иные странные события (однако намного более приятные): например, удивительная телеграмма о скачке курса доллара.

Подобную депешу явно мог послать только очень могущественный человек. Приблизженный к правительству, Центробанку или банкирской элите.

Затем последовало сообщение об аресте, грозящем ей в особняке, где она собиралась – да не собралась – пить новозеландское вино. Тоже, знаете ли, надо быть весьма информированным чином, чтобы загодя знать, что в особняк нагрянет ОМОН.

Кроме того, *врагам* потребовалось подобрать ключи к ее квартире, чтобы скрытно туда проникнуть, обследовать, найти «Унесенные ветром»... Проработать книжку, чтобы послать ей зашифрованный «мэйл»...

А потом – подложить топаз за подкладку синего пиджака... И в багажник «пежика» следовало забраться, чтобы подкинуть туда наркотик...

В особняке нашлась старая тетрадка с какими-то строительными расчетами и плотницкий карандаш.

Татьяна вырвала оттуда жеваный листок и написала первый вывод:

«Против меня (а может, за меня?) действует некто могущественный и очень информированный. Вдобавок этот *кто-то* умеет незаметно проникать в квартиры и автомобили».

– Но кто это может быть? – вслух произнесла она.

К исходу вторых суток Таня уже всю разговаривала сама с собой и перестала этого стесняться. Все равно никто не видит и не слышит!

Она прошла по огромной кухне-гостиной, налила себе кофе и стала думать-вспоминать дальше.

Все-таки... Что-то странное было в тех ментах, что задержали ее с героином. Нет, майор и сержант, которые были в форме и с гаишными бляхами, – как раз самые типичные. Странность крылась в тех, что в штатском. Тех, кто допрашивал ее и пытал.

В них явно наличествовала некая неестественность. Но какая? Вроде бы хоть и в штатском, но менты как менты. Твердые, жесткие, злые... Но тем не менее что-то в них было... этакое... Но что?..

А потом: почему ей все-таки удалось сбежать?

Садовникова стала вспоминать. Вот она вылетела из окна второго этажа. Выскочила со двора ОВД. Этого, конечно, никто ожидать не мог. Она ловко и эффектно оставила милиционеров с носом. И ничего странного, что погоня за ней началась не сразу – менты просто опешили.

Но дальше – еще невероятней. Вот она пробежала по гаражному проезду. Вслед ей стреляли. А потом...

Она перепрыгнула бетонную стену и понеслась по темной березовой роще. Казалось бы – чего проще для служителей закона: добежал до той же стены – и пали ей вслед. Или – перепрыгни и несись следом. Однако погоня прекратилась.

До сегодняшнего дня она думала, что дело в ментовской лени. Но ведь ситуация совсем не такая, чтобы лениться: стрельба в ОВД, убийство (или ранение) милиционера, побег

подозреваемого из-под стражи... А если служители закона решили зайти с тыла – тоже как-то нескладно. Единственная ментовская машина – всего одна! – неторопливо поехавшая в обход, совсем не вяжется с тяжестью Таниных преступлений.

А потом... Этот Володя... Как-то уж очень вовремя он появился... Будто специально, чтобы вывезти ее из-под огня...

Татьяна потрясла головой. Проговорила вслух:

– Бр-р!.. Кажется, это уже паранойя!..

Но тем не менее...

Володя вывез ее из опасного района. Он дал ей приют. Он не взял ни копейки за подвоз – и не стал приставать к Татьяне в своей квартире. Только один разок обнять попытался... Хотя она ему явно понравилась... И он не воспользовался ее беспомощностью, когда она вдруг вырубилась за кухонным столом. Наоборот, заботливо перенес на диван и укрыл пледом.

Какой-то чересчур уж бескорыстный рыцарь получается.

И потом: почему она столь стремительно тогда выключилась? Засыпает Таня обычно подолгу. А уж в ту ночь, после стольких приключений, после лошадиных доз выброшенного в кровь адреналина, она даже по законам физиологии должна была бодрствовать минимум сутки. Но ведь – уснула!

– Может, этот Чехов сотворил со мной то же, что я сделала с ним? – вслух спросила Таня. Стены огромной комнаты отозвались: «...им ...им». – Может, подсыпал мне в кофе что-то седативное?

Но, черт возьми, зачем ему это понадобилось? Он совершенно никак не воспользовался ее беспомощным положением. Ничего не выгадал от того, что она вырубилась!

Наоборот – утром он дал ей уйти, да еще и похитить из бумажника триста целковых!

...Сломав голову и так и не ответив на свои сто тысяч «почему?», Татьяна написала на листке крупными буквами:

СТРАННО ЭТО ВСЕ...

А потом решила: утро вечера мудренее – и отправилась поживать в спальню на втором этаже.

Заснула она неожиданно легко.

А утром, когда солнце уже пробивалось сквозь щель в плотных шторах, на границе яви и забытья ей вдруг явилась разгадка. Возникла она из двух удивительных фактов. Оба были связаны с запахами.

Во-первых, от пытавших ее ментов пахло дорогим парфюмом.

И второе: в машине Володи стоял запах кофе.

Эти два разрозненных факта стали теми кирпичиками, которых не доставало в здании разгадки. И теперь оно (здание) – или она, разгадка, – построилось само собой.

Разгадка показалась ей стройной, но столь странной и необычной, что Татьяна даже подскочила в кровати.

И в тот самый миг вдруг раздалась трель домофона.

На секунду Таня замерла, а потом бросилась к окну. Чуть отодвинула портьеру.

Со второго этажа особняка была прекрасно видна площадка перед въездом во двор и калитка.

Татьяна не поверила своим глазам. Сердце заколотилось быстро-быстро.

На площадке перед воротами стоял ее милый, верный «пежик».

А в домофон звонил не кто иной, как ее ночной спаситель Володя Чехов.

Глава 4

Таня открыла ему калитку.

Открыла – потому что Володя идеально вписывался в только что осенившую ее версию происходящего. Присутствие Чехова – тогда, на ночной улице, а также здесь и сейчас – многое объясняло.

А если, черт возьми, она ошибается?

Однако Татьяна все равно отворила ему. («Опять он видит меня не в лучшей форме: ненакрашенную, только что со сна».)

Распахнула дверь и с ходу, не дав опомниться, обрушилась:

– Кто тебе разрешил взять мой «Пежо»?!

А второе, что сказала:

– Я поняла, зачем ты приехал.

* * *

Они с Владимиром Чеховым («Кстати, а настоящая ли это фамилия?») мирно пили кофе в столовой недостроенного особняка. Он рассказывал ей, *что* на самом деле стояло за ее приключениями, а она скептически улыбалась:

– Кстати, почти ничего нового ты мне не открыл. Я и без тебя обо всем – ну, или почти обо всем – догадалась сама.

– Интересно, как это тебя осенило? – прищурился он.

– По деталям, – ответила она. – По многим деталям.

– Например?

– Например, в твоей машине пахло свежесваренным кофе. Откуда этот запах мог взяться, если ты просто проезжал мимо? И у меня создалось впечатление, что ты сидел в своем лимузине, попивал кофе и ждал, когда придет пора тебе выйти на сцену.

– Ну да, пил «робусту» и отдавал указания, – усмехнулся Чехов.

– Ага, тем уродам, которые меня пытали в ментовке. Кстати, они себя тоже выдали – *запахами*. Я, правда, это поняла много позже, уже здесь. От них пахло хорошим фирменным одеколоном. От простых милиционеров несет иным...

...Когда Чехов вошел в особняк, первым делом он протянул Тане отпечатанную на бланке бумагу. Пояснил:

– Я вообще-то совершаю должностное преступление, знакомя тебя с этим документом. Но я люблю играть в открытую. Во всяком случае, со своими людьми.

Документ выглядел устрашающе. Он начинался с шапки:

Главное разведывательное управление Генерального штаба Министерства обороны Российской Федерации

Отдел специальных операций

Ниже, в правом углу, шло:

Совершенно секретно – особой важности

А еще ниже, по центру:

Операция «Коршун». Предварительные итоги

Таня быстро пробежала глазами преамбулу – тяжеловесные военно-бюрократические конструкции:

«Целью операции «Коршун» являлось обнаружение среди гражданских лиц кадров, подходящих по своим моральным, интеллектуальным и волевым качествам для последующей вербовки их в ряды ОСО... Методом операции «Коршун» были полевые испытания без предварительного оповещения испытуемых...»

Дальше было поинтересней:

«Объект № 1 (далее следовали тщательно замазанные черной ручкой имя и фамилия). Получил 06.10.1999 г. с курьерской почтой карту местности. Однако, несмотря на недвусмысленные указания, содержащиеся в карте, никаких действий не предпринял. Вывод: нелюбопытен, неинициативен, недостаточно интеллектуален и амбициозен. Из дальнейшей программы исключен...

Объект № 2 (снова имя-фамилия замазаны). Получил предупреждение о возможном задержании. Применялась криптограмма низкого уровня сложности. Однако объект своих планов не изменил. Был задержан сотрудниками ОСО под видом работников милиции и допрошен. Поведение объекта во время допроса оказалось неадекватным, аффективным, возникли опасения за здоровье кандидатуры, и куратор принял решение эксперимент досрочно прекратить. Вывод однозначен: не интеллектуален, неустойчив, чрезмерно эмоционален. Признан стопроцентно негодным...»

Татьяна читала в высшей степени интересную бумагу дальше:

«Объект номер три... Объект номер четыре... Номер шесть...
Ничего не предпринял...
Неправильно трактовал сообщения...
Потерял сто тысяч долларов на ценных бумагах...
Пытался покончить с собой во время допроса...»

А вот и самое интересное:

«Объект № 7 (здесь личные данные не замазаны, напротив, напечатаны черным по белому: Садовникова Татьяна Валерьевна, 1974 г.р., образование высшее). Попала в поле зрения проводящих операцию «Коршун» ввиду высоких интеллектуальных кондиций, презентабельной внешности, а также отменных физических данных. Свободно изъясняется на английском и французском языках. Хорошее здоровье, занимается спортом: теннис, горные лыжи, к.м.с. по парашютному спорту (более 400 прыжков с парашютом). Отчим, Ходасевич В.П., является полковником резерва СВР.

В ходе закрытых полевых испытаний САДОВНИКОВА проявила себя с положительной стороны...»

А дальше описывались Танины загадочные приключения последнего времени – и шла разгадка всех перипетий.

«САДОВНИКОВА оперативно и адекватно отреагировала на задание первого уровня (телеграмму о падении валютного курса). Ей удалось заработать более 5000 американских долларов, которые она потратила на личные нужды...

САДОВНИКОВОЙ удалось избежать ареста в результате самостоятельной расшифровки второго послания...

САДОВНИКОВА быстро и правильно действовала после получения третьего послания...

...В ходе задержания сотрудниками МВД вела себя предсказуемо. Во время допроса, проводимого агентами ОСО (под видом работников милиции), повела себя нестандартно. Ей удалось организовать вооруженное сопротивление и, проявив смекалку и мужество, совершить побег из хорошо охраняемого помещения: САДОВНИКОВА вывела из строя двоих наших агентов, а в дальнейшем, разбив окно и выпрыгнув со второго этажа здания ОВД, ушла от преследования сотрудников милиции...

САДОВНИКОВА проявила находчивость для того, чтобы выйти на контакт с отчимом (Ходасевичем В.Е., полковником резерва СВР). С его помощью была вывезена из города и в настоящее время скрывается...

В ходе закрытых полевых испытаний САДОВНИКОВА проявила отличную реакцию, мужество, смелость и интеллект. К числу недостатков может быть причислено недостаточное использование ею женского обаяния. Объект ни разу не прибегнул для своего спасения к попытке манипулирования противниками посредством соблазнения. Однако данный недостаток при соответствующей тренировке может быть устранен. Общий вывод: САДОВНИКОВА способна справиться с задачами оперативной работы в составе ОСО...»

...После того как Таня жадно прочла документ, первой ее мыслью было: она никого не убила! И ее охватила настоящая эйфория. Ей не надо больше прятаться, скрываться, убегать! Она свободна! Свободна! Свободна!

Но ей удалось скрыть свою радость и гневно спросить Чехова:

– Кто же, интересно, дал вам право проводить над живыми людьми такие эксперименты?

Володя обезоруживающе развел руками:

– Никто. А ты что, в суд на нас собираешься подать?

– А почему бы и нет! Вы мне, можно сказать, нанесли огромный материальный и моральный вред!

– Подавай, – усмехнулся Чехов. – Но учти: ни меня лично, ни эту бумагу ты, если вдруг начнешь с нами конфронтацию, никогда больше не увидишь. Станешь нас искать – не найдешь. А никаких доказательств у тебя нет и быть не может. Любой прокурор, когда ты ему про все случившееся расскажешь, тебя в психдиспансер за справкой отправит.

Таня секунду подумала и поняла: а ведь он, черт возьми, прав. И ей остается только смириться.

Пока смириться.

– У меня к тебе несколько вопросов, – сказала она.

– Хоть двадцать! – воскликнул гость.

– Как ты нашел меня здесь? Тебе помог Валерочка?

– Валерочка?

– Полковник Ходасевич, мой отчим.

– Да бог с тобой! Чтобы старый разведчик Ходасевич кого-то сдал!.. Тем более свою любимую падчерицу. Нет, у нас другие методы.

– Охотно верю, что Валерий Петрович меня не выдал... А он вообще знает о происходящем?

– Не знал и не знает. И, я надеюсь, ничего не будет знать.

– А как я ему объясню, что происходит?

– Мы с тобой выработаем и согласуем версию. А потом ты в разговоре с Ходасевичем ее озвучишь.

– Валерочку на мякине не проведешь.

– А это будет твоим первым заданием: провести собственного отчима.

Татьяна сделала вид, что пропустила мимо ушей слова о «первом задании», и сказала:

– Вопрос номер два: значит, патроны, которыми я стреляла в того мента, Ефимова, были холостыми?

Чехов кивнул.

– А те, которыми в меня шмаляли на улице? – требовательно спросила она. – После того как я сбежала из ментовки?

– К сожалению, все под контролем держать невозможно, – развел руками гость.

– Невозможно?! Значит, они могли меня убить?! Да вы понимаете, что творите?!

– Извини, – кротко улыбнулся Володя. – Но ты сама виновата: оказалась слишком шустрой. Все отделение на уши поставила. Однако оцени: я очень быстро остановил тех ретивых ментов из ОВД, которые организовали за тобой погоню.

– Мерзавец! – буркнула Татьяна.

– Согласись, в ту ночь я весьма грамотно вывез тебя из-под огня.

– Спасибо и на том, конечно, – саркастически молвила Садовникова. – Ладно, еще один вопрос: что ты подсыпал мне у себя на кухне?

– Примерно то же, что и ты мне. Безобидное снотворное.

– Зачем?

– Тебе надо было немного отдохнуть. К сожалению, расслабляться после столь мощных стрессов ты без медикаментозной помощи пока еще не умеешь. Но, я тебя уверяю, научишься.

– А ты уверен, что я захочу учиться?

– Конечно.

Татьяна прищурилась.

– Зачем мне это надо?

– Потому что ты будешь работать на нас.

– На вас – на этот самый ОСО?

– Да, на самую эффективную и закрытую спецслужбу нашего Отечества. ОСО ГРУ – это, если выразаться сегодняшним языком, очень круто.

– Почему ты думаешь, что я соглашусь?

– Я *надеюсь*, что ты согласишься.

– А почему я должна?

– А скажи, какие у тебя альтернативы?

– Как это – какие? Спокойная жизнь. Работа. Карьера.

– Да? – скинулся Чехов. – И ты будешь вести постную, пресную жизнь офисной крысы: работа – дом – работа? На пикники будешь с друзьями ездить по выходным? Вечно деньги экономить? Продавать своего «пежика», копить на машину побольше, на редкие загранпоездки? На участок с домом?..

– Что в этом плохого?

– А то, что ты, Таня, по натуре авантюристка. А при этом корпишь в офисе. И самые большие твои авантюры – прыжки с парашютом. Ну, может, еще дайвинг освоишь. Или будешь стрит-рэйсингом заниматься...

– А что ты предлагаешь взамен? Стрельбу по движущейся мишени мне в спину?

– Ой, перестань, – поморщился Чехов. – То был лишь эпизод. Несчастный случай. Просто потому, что менты – идиоты. И с нашими ментами ты никогда больше в своей жизни дел иметь не будешь.

- А с полицией других стран?
- Тоже нет. Я тебе обещаю. Кстати! Оцени. Я опять играю в открытую. Ведь для того, чтобы завербовать, я бы мог тебя шантажировать.
- Шантажировать – чем?
- Как это – чем? До сегодняшнего дня ты думала, что убила – или серьезно ранила – милиционера. Я ведь мог тебе не рассказывать правды. Наоборот, сказал бы: «Итак, милочка, ты застрелила служителя закона при исполнении. Я готов вытащить тебя из переделки и снять все обвинения. А взамен ты должна работать на нас».
- Ох, какой же ты благородный!.. – саркастически проговорила Таня.
- Просто практика показывает, что шантаж для вербовки – не самый лучший метод...
- Да?
- Ну конечно. Агент, в основе мотивации которого – страх, действует хуже и более склонен к предательству, чем тот, кто совершает свободный и осознанный выбор.
- А если я совершу свой свободный и осознанный выбор не в пользу вас? – прищурилась Татьяна.
- Сделаешь большую ошибку, – твердо ответил Чехов.
- Почему?
- Потому что в обмен на сотрудничество с нами ты получишь весь мир.
- Она усмехнулась:
- Ох, как часто мужики обещают юным девам весь мир...
- В данном случае это не просто слова. Мои авансы подкреплены всей мощью нашей организации.
- Твои авансы звучат красиво, но слишком обтекаемо.
- Нет, мое предложение совершенно конкретно. И ты должна была уже это оценить.
- Оценить? Как это?
- Ты же благодаря мне выиграла на скачках валютного курса больше пяти тысяч долларов. А потом еще топаз нашла под подкладкой своего синего пиджачка... И, заметь, никто от тебя обратно украшение не требует. И не просит отчета, как ты потратила выигранные бабки. Считай, твой первый гонорар...
- Мерси, как говорится, боку, – иронически улыбнулась Садовникова.
- Чехов пожал плечами.
- Это только начало. А дальше тебя ожидают путешествия по всему миру. Жизнь в высшем свете. Неограниченные финансовые возможности. Тебя ждут рулетка в Монте-Карло, карнавал в Венеции, бой быков в Памплоне, пляжи Трокадеро... И самые красивые и богатые мужчины у твоих ног...
- Или тюрьма где-нибудь в Алжире...
- Ну почему ж ты все о грустном?! Очень редко случаются, конечно, и подобные варианты. Но без риска, без определенной дозы опасности нет и настоящего наслаждения, согласишься? А потом: если ты вдруг попадешь в беду, мы сделаем все – я повторяю, все возможное, всей мощью нашего государства, – чтобы тебя вызволить. Это я тебе твердо обещаю.
- Слова, слова, слова... – протянула Таня.
- Нет, это не просто слова. Ты для нас – слишком ценный кадр, чтобы тобой разбрасываться. Чтобы вдруг бросить на произвол судьбы.
- Это все, конечно, очень красиво, но я хотела бы услышать конкретные условия. Зарплата? Бонусы? Премияльные? Представительские? Медицинская страховка?
- Страховка, безусловно, будет. В случае серьезной болезни, приведшей к нетрудоспособности или, не дай бог, гибели, – один миллион долларов США. Seriously, не правда ли?
- Да, только я предпочла бы остаться живой-здоровой. И богатой. Так что насчет зарплаты и бонусов?

Чехов покачал головой.

– Таня-Таня! Я уже сказал: любое твоё желание – в пределах разумного – будет выполняться.

– Пожалуйста, больше конкретики.

– Ну, ладно. Знаешь, как работали и работают многие наши нелегалы – в США и Франции, Японии и Австралии?

– Нет.

– Ну, например. Мы даем им первоначальный капитал. Мы делаем все, чтобы они раскрутились. И потому, что наши люди – как и ты, кстати! – являются очень талантливыми, их фирмы благоденствуют. Они – многие из них! – становятся настоящими миллионерами. И благодаря этому вращаются в нужных кругах. И заодно приносят нам потрясающие данные.

– Фу! Значит, ты хочешь, чтобы я осталась той же офисной крысой – только за границей? Да еще и с риском для жизни?!

– Разве я это сказал? Нет, у тебя будет – должна быть, если ты проявишь все свои таланты и присущие тебе авантюризм и настойчивость, – совсем иная жизнь. Ты не будешь работать. Ты станешь вращаться в западном высшем свете. Балы, приемы, рауты. Возможно, подиумы модельных агентств. Возможно, голливудские съемочные площадки. В деньгах, шмотках и богатейших поклонниках у тебя недостатка не будет, я тебе обещаю.

– А я должна буду с ними спать и стучать о них вам.

– Твое упрямство, Садовникова, порой мешает тебе самой. Я тебе клянусь: ни я, ни кто другой никогда – слышишь, никогда! – не потребует у тебя переспать с тем или иным мужчиной.

– Зачем же тогда я вам нужна?

– Пока твоя задача – во всяком случае, на ближайшие несколько лет – инфильтроваться. Стать там, на Западе, своей. Причем не просто на Западе, а в высшем свете. На приемах в Букингемском дворце и на скачках в Аскоте. На гонках «Формулы-один» в Монте-Карло. На закрытых вечеринках в Голливуде и Вашингтоне.

– А что вы потребуете от меня взамен?

– Ничего. Пока ничего. Ты просто будешь там жить: блистать, пленять, заводить знакомства, упрочивать связи.

– Как, интересно, я в этот западный высший свет проникну? Или, по-твоему, инфильтруюсь?

– А вот это, Танечка, другой разговор. И начнешь ты, моя дорогая, вот с чего...

Глава 5

Участвовать во всероссийском конкурсе красоты – кошмарный сон! Таня до последнего надеялась, что Чехов просто шутит. Или необычное задание в самый последний момент отменят. Но нет, вот он, красивый, плотной бумаги, сертификат: *«Госпожа Садовникова Т.В. действительно является участницей всероссийского конкурса „Первая красавица“»*.

И представляет на нем Туву, только подумать! Далекий горно-степной край, пастбища, горы, леса, уголь, асбест... Неужели нельзя было европейский регион найти?

А ближайшие две недели ей предстоит провести в подмосковном пансионате «Карасево» на предварительном тренинге, в полном отрыве от большого мира.

Ничего не скажешь, удружил куратор.

Да еще на фоне остальных девчонок она оказалась натуральной старухой. Таня всегда считала, что ее двадцать пять – это самый расцвет. Но здесь, на конкурсе, Садовникова еле вписалась в ограничение по возрасту.

В общем, все ужасно.

В первый же день, когда участницы «Первой красавицы» только съехались в подмосковный пансионат «Карасево», ей вручили так называемый рейтинг – журналистскую прикидку, у кого из девчонок выше шансы на победу. И она, «Мисс Тува», в этом списке заняла аж второе место. С конца. После смешной низкорослой толстушки, представлявшей Ханты-Мансийск.

Хотя объективно: конкурентки, безусловно, красивы. Стройны. Юны – почти все еще учатся в школах. Но такие глупенькие! И одинаковые...

Зато понтов у каждой – выше крыши! А как иначе, когда на всероссийский конкурс съезжаются только *победительницы* конкурсов местных? То есть каждая, включая смешную «Мисс Ханты-Мансийск», уже познала пусть маленькую, но славу. Их снимало местное телевидение, о них писали во всяких «ханты-мансийских вестниках»... Единственная «Мисс Тува» тут самозванка, ни в каких отборах не участвовала, а уж как Чехов и его служба ей титул устроили – одним им и ведомо.

На первом ужине, когда девушки только осторожно приглядывались друг к другу, все выглядело чинно, почти интеллигентно. Красавицы смущенно улыбались, манерно ковыряли вилками в полезных для здоровья винегретах и дружно морщили нос при виде свежее испеченных пирожных и булочек. Разговоры между собой тоже вели сплошь правильные – кто-то объявлял, что завтра, к восьми, собирается в бассейн, иные и вовсе планировали – по глубокому-то снегу! – перед завтраком отправиться на пробежку.

Но уже ночью, когда потенциальных претенденток на корону заперли в спальном корпусе и оказалось, что все начальство живет отдельно, в коттеджах, красавицы дали жару. Откуда-то явились и фляжки с коньяком, и сигаретки, а «Мисс Сочи» и вовсе разгуливала по корпусу с «беломориной», набитой явно не табаком. Девицы бродили по коридору, бесцеремонно заглядывали друг к дружке, хохотали, язвили, и Таня в этом странном коллективе чувствовала себя полной чужачкой. Будто на другую планету занесло: девчонки и говорят на каком-то странном языке, и ведут себя непонятно: какой смысл за ужином демонстративно отказываться от чая, который якобы вызывает отеки, а ночью – беззаботно хлестать кофе с коньяком? От подобного сочетания цвет лица портится безнадежно. Или он портится только в двадцать пять, – а если тебе шестнадцать, то все нипочем?

Сама она решила: с подружками-конкурентками нужно держаться дружелюбно, но отстраненно. Улыбаться, покорно сносить насмешки, если просят – помогать, но в душевные разговоры не вступать ни в коем случае. Хотя какие там могут быть душевные разговоры...

– Танька! Что у тебя за цвет?! Перекисью, что ли, красишься?!! – Это по поводу ее абсолютно натуральных светлых волос.

– А у Садовниковой ИМТ – минимум двадцать пять!

ИМТ, индекс массы тела, у девчонок – любимая тема. Сами-то все, как на подбор, тощие, коленки торчат, грудки цыплячьи. Таня на их фоне, конечно, не корова, но попка у нее имеется. И бедра тоже. Всегда своей фигурой гордилась а тут, на конкурсе красоток-скелетиков, вдруг попала в толстушки...

Или еще вопросец:

– Эй, «Мисс Тува», твоему старшему сколько? Почем справку от гинеколога покупала?

Сия подколка к тому, что, по правилам конкурса, у участниц не должно быть детей – и Татьяну, в ее «старческом» возрасте, немедленно заподозрили в том, что она уже рожала, причем неоднократно...

В общем, натуральная клоака. Куда хуже острых на язык однокурсниц по психфаку и привычно злобной рекламной тусовки. Ну ее и угораздило!

А ведь придется в этом несладком обществе минимум три недели провести. Две – тут, в пансионате, на так называемой подготовке, и потом еще неделю в московской гостинице, непосредственно во время конкурса...

Но перетерпеть-то что угодно можно. Даже, наверное, тюрьму. А вот как в подобной обстановке победить?!

ЛЕРА

В этот раз ей повезет. Обязательно. Не может ведь быть, чтобы всегда не везло!

Тем более что и шансы, как уверяет ее менеджер, нынче «куда выше ватерлинии». Хрен ее, правда, знает, что за такая ватерлиния, но раз выше – значит, уже хорошо. Плюс: на конкурсе она не какую-нибудь Туву представляет, а саму столицу. И Васек, ее *папик*, считается официальным спонсором. Жаль, конечно, что не генеральный и что в жюри не сидит, но «башлять „зеленый лимон“ даже за твою, Лерка, очаровательную задницу я не готов», так Васек и сказал. Вот жмот! Но спасибо, что хоть зеленый столик в конкурс вложил и дядек из жюри коньяком опаивает, всех – даже ужасного модельера Царькова, хотя тот – явный гомик!

Лера шла к этому конкурсу, к российской «Первой красавице», всю жизнь. Начиная с детского садика, где красивую белокурую девочку выбрали Снегурочкой, и Лера, танцующая в окружении одинаковых, безликих *Снежинок*, вдруг поймала себя на совершенно изумительном чувстве: насколько клево, когда ты – не одна из многих, а лучшая. Самая главная, самая красивая, самая первая. Да еще и все папаши в зале с фотоаппаратами, и она видит, чувствует – фотографируют-то они не столько своих детей, сколько ее. Пусть совсем маленькую, но уже – звезду!

Тогда, в несолидные пять лет, Лера поняла: она хочет быть самой первой всегда. И, едва закончился праздничный новогодний концерт, начала вымаливать у мамы, чтобы та отправила ее в детскую школу фотомоделей.

Мама долго сопротивлялась, заманивала ее то музыкалкой, то художественной гимнастикой, но Лера была неумолима. Родительнице пришлось сдаться, и уже ко второму классу в Лерочкином портфолио было участие в двух фотосессиях и одной рекламной телесъемке. А сейчас, когда она в одиннадцатом, наконец ей удалось пробиться аж на всероссийский конкурс! Да еще от самой столицы, что многократно повышает ее шансы.

И она костью ляжет, а корону возьмет. Вон в рейтингах, что по рукам ходят, ее на первое место ставят. А что вы хотите?! Рост – самый идеальный, сто восемьдесят. И вес – всего пятьдесят два! И дефиле она занималась профессионально, и на шпильках рассекает без проблем, и вечерние платья, спасибо личному стилисту, носит с достоинством королевы.

Плохо, конечно, что еще всякие «болтательные» конкурсы будут. Типа, интервью: ну-ка, деточка, ответь – как нам устроить мир во всем мире? Или: как ты относишься к тому, что норки на шубы мочат? А ей шубы нравятся, а сами норки – ультрафиолетовые. Да и вообще в плане потрепаться Лера не очень, это не ее конек. Всегда считала, что одной красоты достаточно, а теперь, видите ли, новое поветрие. Чтоб российская победительница потом, после конкурса, когда по всему миру придется с визитами колесить, производила впечатление истинно светской дамы.

Из той же серии: желательно, чтобы и по-английски умела чесать, – только у нее с инглишем тоже полный отстой. Недавно вон в школе, на потеху всему классу, прочитала из учебника: «Рашкин портрэт». В смысле: «портрет Пушкина». А чего смешного – так ведь и написано: Pushkin, Рашкин...

Ну, ничего. Как-нибудь да выкрутится.

ТАНЯ

В расписании первого дня значилось:

10.00 – Примерка вечерних платьев.

12.00 – Урок дефиле...

Встать пришлось в восемь. Голова трещала. Спокойно выпить кофе – как она при-
выкла, еще до завтрака, в ночнушке, – не удалось. Во-первых, вот дурдом, во время заезда у
нее кипятильник отобрали. Натуральная тюрьма – прежде чем запустить в корпус, у краса-
виц осмотрели сумки. Вроде бы из благих побуждений: чтобы спиртного там или наркотиков
не протащили. Смотрели въедливо: у Татьяны кипятильник изъяли, а банку с кофе вскрыли
и долго принюхивались. И остальных девчонок вроде бы обыскивали в полную силу. Непон-
ятно только, почему в коридорах до сих пор терпкий запах анаши плавает...

Впрочем, даже останься кипятильник – все равно не дали б спокойно помедитировать.
Потому что с раннего утра в ее комнату начали вламываться девицы:

– Эй, Тува», у тебя тушь диоровская? Дай!

Или заглядывали без цели, просто чтобы прокомментировать:

– Ну, у тебя видон! На верный сороковник тянешь!

Милые, добрые отношения...

Вот и пришлось за первой чашкой кофе чапать на завтрак, а в пансионатах вместо него
известно какое пойло подают... Тانيا утешилась сырокопченой колбасой и корейской мор-
ковкой, которых на шведском столе имелось в избытке. (Прочие девицы демонстративно
ковырялись в йогурте, клевали салатные листья и поглядывали в Танину тарелку с непри-
крытым осуждением.)

...А следующее разочарование ждало ее на примерке вечерних платьев.

Татьяна-то, наивная, думала: приведут их всех в комнату, а там на вешалках – без счету
нарядов, один другого красивее, только выбирай.

Но на деле вышло совсем иначе.

Платьев было ровно тридцать семь – по числу участниц. Причем большая их часть
оказалась распределена. У многих вешалок стояли модельеры и радостно приветствовали
девчонок, с которыми, похоже, были давно знакомы:

– Привет, Светочка! Я тебе тесьму по подолу перешила, как договаривались!

– Ой, Ляля!.. Да ты поправила! Смотри: швы треснут – что делать будем?

Татьяне же наряду с затюканной «Мисс Ханты– Мансийск» и еще парой «не-фавори-
ток» достались такие «произведения искусства», что дай боже. Толстушка из Ханты-Ман-
сийска, чуть не плача, облачилась в ярко– поносный наряд с идиотскими буфами, Тане же
пришлось надеть светло-зеленое платье с синеватыми, удивительно похожими на плесень,
прожилками. Совершенно непонятного фасона – вроде и приталенное, но талию не подчер-
кивает, а разрезы вместо интриги оставляют ощущение «недошитости». Да такое уродство
даже в гроб примерить стыдно! И это называется справедливый конкурс?!

И Татьяна, забыв, что решила вести себя тише воды ниже травы, решила ругаться –
нельзя же допускать, чтобы тебя с самого начала в невыгодные условия ставили!

Качать права отправилась сразу на самый верх, чтоб не тратить силы на разных Швей-
ков. Явилась прямоком к директорше конкурса, роскошной брюнетке Алевтине Эмильевне.
Ворвалась в ее номер и безо всяких «здрасте» бухнула:

– Вы что мне за гадость вместо платья подсунули? Я в этой дряни на подиум не выйду!

Увешанная золотыми перстнями брюнетка вскинула на Татьяну ледяной взгляд, еле
заметно усмехнулась – вот именно, что плесневелое платье только смешки вызывать спо-
собно, – и тихо велела:

– Выйди. Постучись. Зайди снова. И поздоровайся, как положено.

Один в один – когда-то завуч в школе так говорила. Таня уже и забыла, каково это, когда приходится подчиняться разным *завучам*. Но придется играть по здешним правилам.

Она покорно вышла, постучалась, вошла снова. Сбавив тон, спокойно сказала:

– Вы ведь разумный человек, Алевтина Эмильевна, и согласитесь, что несправедливо, когда одним участницам шьют одежду по фигуре, а другим выдают то, что осталось...

И в изумлении услышала нежный голосок директрисы:

– ..., ..., коза ..., ...!

В переводе с площадного мата: закрой рот и немедленно уходи.

– Что?.. – растерянно выдохнула Таня.

– Пошла вон отсюда, – устало и тихо повторила директриса.

– Но почему вы так? – Таня, несмотря на всю свою выдержку и немалый опыт переговоров, еле удержалась, чтобы не заплакать.

А директриса добила:

– Еще одна выходка – вылетишь с конкурса к чертовой бабушке. За наркоту. У нас с этим строго.

– За наркоту?! – Татьяну аж в краску бросило. – Да я никогда...

– Пошла, пошла!.. – брезгливо повторила Эмильевна.

И возникло единственное желание: врезать знойной красавице по холеной, вусмерть оштукатуренной физиономии. Стереть мерзкую, самоуверенную ухмылочку. Татьяна за себя постоять умеет. Только тогда ведь с конкурса точно попрут. То есть задание она провалит в первый же день... Ну и ладно, зато этих мерзких рож больше не увидит! Вернется в свое агентство к нормальным, адекватным людям, в нормальную, привычную жизнь... Ведь только выиграли тендер, едва начали снимать многобюджетный ролик по Татьянинному сценарию, а ей вдруг вместо интересной, любимой работы приходится торчать в дурацком пансионе...

Но и чтобы ее выгоняли – она тоже не позволит.

И Татьяна ограничилась всего лишь ответной репликой:

– ..., ..., ..., старая сучка!

Директриса конкурса аж рот от изумления разинула.

Видно, хотя Татьяна и не спец по мату, у нее тоже получилось неплохо.

* * *

Просто сплошное невезение! Мало того, что платье ужасное и с директрисой конкурса поругалась, еще и на занятиях по дефиле Татьяна опозорилась. Вертеть бедрами и посылать во все стороны глупые ухмылки – искусство невеликое, и Садовникова его освоила с полпинка. Подкосили ее туфли на пятнадцатисантиметровых шпильках. Это ведь какое издевательство – заставлять вышагивать на подобных ходулях!

Таня каблучков не любила. Еще со школы, когда прочитала в каком-то журнале, что *«женщины носят высокие каблуки для того, чтобы зрительно удлинить ноги, а значит, произвести еще более выгодное впечатление на мужчин»*.

Садовникова же самоуверенно полагала, что на нее мужики и без всяких каблучков западают, ногами ее бог не обидел, нечего себя мучить. Весь институт она проходила в кроссовках, а на работу, в рекламное агентство, являлась или в мокасынах от «Феррагамо» или в удобных лодочках от «Экко».

А тут, понимаешь ли, на пятнадцатисантиметровые сваи поставили! Да еще и прочие девицы развалились перед подиумом в креслах, ждут своей очереди и изощраются в ехид-

ных комментариях, из которых «корова на льду» и «бегемот в гостиной» – самые лестные. Поневоле начнешь спотыкаться.

И, как ни надрывалась инструктор по дефиле, усталая, все лицо в морщинках, тетка Маргарита Михайловна: «Не бойся, Танечка! Уверенней! Ногу от бедра! Стопу не выворачивай!» – а все равно ничего не получалось. Хотя и расправляла Садовникова плечи, хоть начинала свое шествие по «языку» уверенной походкой, но к середине пути все равно спотыкалась. А на четвертом выходе и вовсе растянулась прямо на скользком линолеуме.

– Писец «Мисс Туве»! – дружно заржали конкурентки. – Мало того что старушка, еще теперь и хроменькая!

А инструкторша хладнокровно прокомментировала:

– Ничего страшного. Не расстраивайся. Придешь ко мне после обеда, часика в два. Мы с тобой индивидуально позанимаемся и...

– ...подиум окончательно проломим! – весело закончила юная красотка Лерочка, представлявшая на конкурсе Москву.

– Что, Летягина? Уверена, что у самой все получится? – холодно обратилась к ней инструкторша.

– Ну, уж по языку-то пройти – элементарно! – скривила ротик фаворитка.

И действительно: проход продемонстрировала лихо. Попка из стороны в сторону вихляет, каблучки цокают, рот до ушей. Королева!

«В сравнении с ней я и правда корова!» – самокритично подумала Татьяна.

Блин, до чего же быстро в подобной обстановке развивается комплекс неполноценности!

ЛЕРА

Перед обедом они с «Мисс Сочи» отправились шляться по территории. Ну и голимое же местечко оказалось это «Карасево»! Дорожки в парке ни фига не почищены, от здания бассейна за версту несет хлоркой, а уж когда на зады столовки забрели, от ужасных запахов и вовсе едва не вырвало. А из публики – сплошные бабки, видно, по собесовским путевкам сюда приперлись. Горбатые, в платочках, а туда же – на редких старичков косяки кидают, как Уинслет на Ди Каприо. Смех!

А когда в так называемый КСК, культурно-спортивный комплекс, забрели, и вовсе едва от колик не попадали. Тоже мне, культура: в библиотеке ни единого глянцевого журнала нет. Из спорта – только настольный теннис да дырявые бильярдные столы. В киношке – черно-белые «Девчата». В баре – одни фиточаи. И покурить негде.

Единственный прикол – из актового зала, где они только что по подиуму ходили, какие-то завывания доносятся. Старческие, с дребезжанием, голоса в сопровождении расстроенного баяна.

– Пойдем позырим? – предложила Лера.

– Пойдем, – согласилась «Мисс Сочи».

Подкрались. Заглянули. И упали со смеху.

А когда отхохотались, Лера сказала:

– Слушай, есть идея! Насчет этой, «Мисс Тувы»...

Она понизила голос, рассказала товарке свой план.

И девушки снова рассмеялись.

ТАНЯ

Шведский стол за обедом порадовал очень неплохой селедкой под шубой, а также тем, что рядом с закусочными столами появились мини-печка и приветливая девица, которая угощала всех желающих блинчиками. За блинами, правда, выстроилась огромная очередь – в лице охочих до халявы отдыхающих бабулек, но Тане тоже удалось урвать свои три со сгущенкой. А худющие конкурентки-красавицы на ее углеводы только облизывались и презрительно носы кривили. Будто не понимают, бестолковые, что гораздо гармоничней для организма угоститься блинами, а после сжечь калории в тренажерном зале, чем кормить себя огурцами без майонеза и роптать на тяжкую диету.

А когда она с блинчиками покончит, еще и к столу со свежей выпечкой наведается. Плюшки с повидлом выглядят вполне аппетитно. Тем более что ясно – если ей и удастся поразить жюри на этом злосчастном конкурсе, то отнюдь не своей худобой. Десять килограммов за две недели сбросить – это смертельный номер. Нужно чем-то другим брать. Жаль, что ум на «Первой красавице» тоже не в чести. Ладно. Время пока есть – что-нибудь придумаем...

Татьяна быстро разделалась со вкусными блинчиками и даже не постеснялась: остатки сгущенки с тарелки языком слизала – не то здесь общество, чтобы о хороших манерах печься. И только отправилась к шведскому столу выбирать себе суп, как к ней вдруг подскочили две красотки – совсем юная «Мисс Москва» и тертая, с хриплым голосом, «Мисс Сочи».

Возбужденно, перебивая друг дружку, заговорили:

– Танька! Быстро беги! Тебя МэМэ срочно требует!

– МэМэ? А кто это? – переспросила Садовникова.

– Ну, Маргарита Михайловна! Инструктор по дефиле! Сказала, что индивидуальный урок с тобой будет проводить! Помнишь, она обещала?

Странно – кто-то на этом конкурсе еще свои обещания держит. И вдвойне странно, что Маргарита Михайловна своими послами вдруг этих двух красавиц выбрала. Не могла, что ли, сама подойти?

А девицы продолжали тараторить:

– Она и в твой номер заходила, и в тренажерке тебя искала! Но не нашла. И всем сказала, кто тебя встретит, чтоб ты срочно в зал шла! Переделась – и сразу на подиум! Говорит, если прямо сейчас не придешь и за пять сек на каблуки не прыгнешь, у нее другого времени больше не будет!..

Блин, вот дурацкая ситуация! Ведь врут девчонки, скорей всего, врут! По хитрым рожицам видно. А как проверишь? Будь они в *нормальной жизни*, где есть мобильные телефоны, визитные карточки и человеческие отношения, Татьяна бы Маргарите Михайловне просто перезвонила. Но тут – пансионат «Карасево», тренинг для участниц конкурса красоты, мобильники отобрали при заезде, да и визитной карточки ей, обычной конкурсантке, инструктор по дефиле, конечно, не давала...

Что ж, на всякий случай придется сходить.

И Таня, грустно взглянув на стремительно пустеющую кастрюлю с грибным крем-супом, выбежала из столовой. Пулей домчалась до КСК. Кинулась в раздевалку. Вынула из своего шкафчика ужасное платье и туфли. Переделась. Потом, еще быстрее, за кулисы. И – сразу на «язык».

Так волновалась, что опять упадет, что даже не взглянула, тут Маргарита Михайловна или нет. В конце концов, если тренер не пришла – лишний раз пройтись по скользкому поди-

уму всегда полезно. Шла, дрожала – и внушала себе: «Спина – прямая! Глаза – на уровне второго этажа! Походка – от бедра!..»

И, о чудо, кажется, все получилось! Не то что не упала – даже не споткнулась!

А когда казавшийся бесконечным «язык» закончился, Татьяна вдруг услышала дружные аплодисменты. И только теперь скосила глаза в зал.

Батюшки мои! Да он полон старушек!!

Сидят в креслах перед сценой, деловитые, все в платочках, а откуда-то сбоку на шум спешит удивленный пожилой баянист.

– А Маргариты Михайловны... здесь разве нет? – вырвался у Татьяны дурацкий вопрос.

– Извините, а кто это? – удивился баянист.

– Тренер... по дефиле, – со вздохом объяснила Садовникова.

– А что, миленькая, за такое дефиле? – с умным видом выкрикнула из своего кресла одна из старушек.

Таня не ответила. А баянист ей объяснил:

– Вообще-то у нас здесь спевка... – И великодушно предложил: – Хотите – присоединяйтесь. Мы сейчас «Вечерний звон» будем исполнять.

– Да нет, спасибо. Я уже выступила, – хмыкнула Татьяна.

И поспешно покинула своих благодарных зрителей.

Вернулась в раздевалку, скинула мерзкое платье, натянула верные джинсы...

Ей смертельно хотелось сигаретку и любимого джина с тоником, но, хотя прочие красавицы правило «не пить, не курить» активно нарушали, Таня от соблазна удержалась. Не будет она давать повода – тем более что с директрисой конкурса уже поссорилась.

Справится. Справится со всем и без сигарет.

А пока нужно найти противную москвичку Лерочку и не менее противную «Мисс Сочи». И обеих поблагодарить за урок. Вот девчонки наивные дурочки! Думали гадость сделать, а на самом деле помогли. Ведь у нее впервые получилось без запинки пройти по «языку»! И свои первые аплодисменты она получила. Пусть пока не от жюри, а всего лишь от старушек. Но главное – начало положено!

* * *

Две недели в «Карасеве» промчались для Татьяны стремительным вихрем. Ни минуты свободной, возвращалась в номер к одиннадцати вечера, сразу запирала дверь, прыгала в постель, клала подушку на ухо и вырубалась.

Официальная программа оказалась совсем не обременительной, всего-то с десяти до четырех. Уроки пластики и дефиле, немножко танцев, редкие занятия с психологом, не от мира сего пожилым дядечкой, который явно не знал, с какой стороны подступиться к юным, циничным красавицам. В остальное время предполагалась самоподготовка – девушки, без всяких денег, могли в любое время пойти в бассейн, в тренажерный зал и оздоравливаться в соляные пещеры, взять напрокат лыжи, кататься на лошадях. Но на деле бесплатными благами пользовались лишь Татьяна да толстушка из Ханты-Мансийска. Таня рассчитывала скинуть пару-тройку килограммов и укрепить мышцы, а северянка без всякой цели, просто потому, что халява. Остальные же девчонки в «Карасеве» откровенно скучали и открывшиеся возможности не использовали. Бассейн, говорили, воняет старыми козлами и хлоркой, местная тренажерка – полный отстой, лыжи в пансионатском прокате – голимые деревяшки... Садовникова поражалась: неужели она, в свои пятнадцать-шестнадцать, была таким же агностиком?

Впрочем, нет, она была другой. Хотя бы потому, что Таня точно помнила: слово «агностик» ей знакомо еще со школы – новое же поколение демонстрировало поразительное невежество. На занятиях по английскому преподаватель едва не плакал, потому что мало кто из красавиц даже нормально представиться мог. Садовникова, в целях конспирации и чтоб не завидовали, тоже старательно притворялась, будто «списывает» на самом примитивном уровне.

Да и от разговоров, что девчонки ведут между собой, можно в тоску впасть. Какие там традиционные для подростков споры об устройстве мира и высшей справедливости?! Сплошное: «А вот мой мужик... а вот такая косметика... поехать бы в Доминикану...»

И развлекать себя не умеют. Собираются группками, бродят по территории, хихикают над спевками старушек, ворчат, что «в этой дыре даже к косметологу не сходишь» – визиты к нему в пакет бесплатных услуг не входили.

Таня себя на их фоне совсем чужой чувствовала. И старой – потому что новое поколение абсолютно не понимала. Охмутать богатого папика – это разве цель? А всю жизнь бегать по кастингам и, когда пригласят, вертеть перед камерой задницей – достойная карьера?! Вот уж действительно: потерянное поколение...

Но только подобные высокомерные мысли Садовникова старалась из головы изгонять. Глупо из себя высшее существо строить. У нее сейчас задача – обойти всех этих пустоголовых юных красоток. А чтобы того добиться – нужно, конечно, в чем-то быть выше. Но в целом – жить и чувствовать, как они.

И она, на всех занятиях и когда встречались в столовой, постоянно за девчонками наблюдала. Старалась перенять у них то, что считала целесообразным. Полную непринужденность манер. Привычку сидеть с прямой спиной. Летящую, с постоянным легким верчением бедер, походку...

За две недели, конечно, новой профессии не обучишься. Но Садовникова постаралась взять от пребывания в «Карасеве» максимум. Постоянно выпрашивала дополнительные занятия у тренера по дефиле. Добросовестно слушала инструктора по пластике и, когда возвращалась в номер, повторяла показанные им упражнения. Плавала, каталась на лыжах, качала в тренажерке мышцы – и в очередной раз убедилась, что спорт куда действеннее любых диет. Хотя она всю дорогу лопала в местной столовке свежее испеченные булочки – все равно похудела аж на четыре килограмма.

И когда их повезли в Москву, непосредственно на сам конкурс, – чувствовала себя куда уверенней, чем в начале своей карьеры красавицы. Сейчас, конечно, самое сложное начинается, но она, помимо прочего, уже поняла, как ее конкурентки себя ощущают. Ведут. Чувствуют. В чем их сила – и в чем слабость.

Дико волновалась, но была готова дать юным и внешне куда более прекрасным конкуренткам самый решительный бой.

Глава 6

ЛЕРА

Нет, ну какой козел придумал включать в конкурсную программу, помимо стандартных дефиле в купальниках и в вечерних платьях, еще всякую пургу? Ладно, рассказ о том, «чего я хочу в жизни», ей менеджер поможет написать. А каким, интересно, образом благотворительный аукцион проскочить?

Идея такая – в первый день участницы конкурса всучивают публике всякие дурацкие сувениры, произведенные в своих регионах. Типа, рекламируют, продают, а кто больше денег заработал, тот и победитель. Вырученные бабки вроде как в детдома отсылают. Ну, а жюри оценивает, насколько талантливо участница конкурса свою часть аукциона провела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.